

Рос 4-4
7-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

НОМЕР 5.

СОДЕРЖАНИЕ 5-ГО НОМЕРА

Об анархической общественности — — — НАЗАНСКИЙ
 Прудон о капитало-коммунизме — — — — — Б. В.
 Фрагменты (об анархизме) — — — — — А. С. ПАСТУХОВ
 Человек и искусство — — — — — Д'АЛЬБ
 Современные американские писатели — Н. ЗЛАТОГРОВ
 Конфедерация и централизация — — — — — В. ХУДОЛЕЙ
 Прогресс — — — — — Д-Р САЙМОНДС
 Философия Ницше — — — — — М. А. ИСТОЧНИКОВ
 Личность и общество — — — — — А. А. СОЛОНОВИЧ
 Критика и библиография — — — — — Г. Ф.

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

ИЗДАНИЕ РУССКИХ ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-194

№ 5

МАРТ 1928.

ОБ АНАРХИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Изложение анархической общественности есть изложение форм анархического общества, а также раскрытия связанного с ним понятия анархии. Понятие же анархии раскрывается как свободный союз свободных людей, связанных между собой тысячами невидимых нитей и основывающихся в глубине своей, на свободной воле каждого отдельного человека или согласия. Согласие и есть тот базис, на основе которого развивается анархическая общественность.

Политическая, а также социально-экономическая жизнь современных народов представляется собой чрезвычайно пеструю картину все возможных оттенков, построенную на принципе власти и субординации. И если бы мы теперь попытались хотя бы очень отдаленно нарисовать себе общество будущего, то перед нами, прежде всего, стала бы огромная задача освобождения духа человека от векового гипноза власти, от того духа рабства, действие которого, вопреки воле человека простирается настолько далеко, что парализует душу, парализует волю и снова заставляет человека искать спасения все у той же власти. Такова действительность, таково действие массового гипноза. Круг замкнут, выхода как будто нет. Попытаемся же его найти, по-

пытаемся разомкнуть круг, хотя бы для того, чтобы ответить на поставленный выше вопрос о формах анархической общественности.

Если форма современного общества зависит в большей своей части от действующего законодательства с санкцией судебной или исполнительственной власти, то конечно не может быть и речи о действии какого бы то ни было законодательства и связанного с ним принуждения при наличии анархизма. Но тогда возникает вопрос: как же будет регулироваться жизнь общества, принимая во внимание всю сложность современной цивилизации?

Ответ есть и формулируется он понятием согласия, как основы общественной жизни, дифференцируясь на согласия территориальные, производственные, сельскохозяйственные и множество других.

Попытаемся углубиться в только что сказанное и как бы побывать в нарисованном нами обществе. Будет ли тогда существовать наша деревня с ее специфическими чертами, а также и современный нам город. Думаю, что нет, и сколько бы мы ни искали современной нам деревни или современного нам города, мы бы их не нашли.

Деревня, если так можно выразиться, ассимилировала бы тогда в себе элементы го-

родской жизни и город соответственно этому утратил бы свойственные ему специфические черты.

Произошло бы это вследствие того, что начало широкой децентрализации и безвластия в противовес современной централизации и связанным с ним господством власти, легло бы в основу социального строительства. Город, это воплощение бюрократизма, а также экономического и всякого иного господства над деревней, то есть этот современный кулак, потерял бы свое значение и культурные центры, города—сады заменили бы современные нам невежественные деревни.

Общество, однажды потеряв власть, приобрело бы этим великую мощь; будучи безвластным, оно стало бы чрезвычайно мощным.

Мы все в достаточной мере искалечены современной жизнью для того, чтобы полет самой фантазии мог в достаточной степени дать нам представление о жизни будущего общества. Согласие, отсутствие господства большинства над меньшинством и обратно, обезнечиваясь всякой личности свое подлинное выражение в строительстве жизни. Итак, в противовес современному укладу жизни с ее безчисленными законами, имеющими свои корни в римском праве императорского периода и сковывающими человечество до сих пор по рукам и ногам, выдвигается согласие в форме договорного или конвенционального права, являющегося единственным регулятором всего многообразия жизни. Конечно, для современного правового мышления естественно возникает вопрос: какова же юридическая природа этого договора, если нет организующей власти, карающей правонарушение? В условиях анархической общественности, где право или свободная гармонизация личности и общества при помощи договора будут синонимами, где само право не представляет собой застывшей формы, но находится в процессе постоянной динамики, в соответствии с творчеством самой жизни, вопрос о правонарушении будет предоставлять собою скорее проявление волевого импульса, родившегося из совокупности условий и требующего соответствующего социального корректива, чем специфическое правонарушение.

Что же касается уголовного права, то едва ли оно будет иметь тогда место, так как современные, так называемые, преступления, являясь отражением господствующего правопорядка находятся в большей своей части, в прямой или косвенной связи с институтом собственности, все равно, частной или государственной.

Преступления же, совершенные в состоянии аффекта имеют большие отношения к области лечебно-воспитательной, чем в прямом смысле к уголовно-наказуемым действиям.

В целях самозащиты, если в этом встретится надобность, общество может, конечно, выделить из своей среды волонтеров, добровольно берущих на себя охрану благополучия населения, но нужно полагать надобность в подобной охране будет ничтожна, так как самая широкая самодеятельность общества с одной стороны, а также ярко выраженные индивидуальности с другой, сумеют в корне парализовать все то, что является в настоящее время продуктом власти и насилия.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу о юридической природе договора, построенного на началах согласия в условиях анархии, или что то же, о юридической природе самого согласия, попробуем углубиться в понятие юридического лица для того, чтобы или признать за ним право на существование в указанных выше условиях или отвергнуть его. Под юридическим лицом обычно понимается все то, что будучи физическим лицом, является способным в виду определенной цели быть субъектом права. В современных законодательствах жизнь и действительность юридических лиц всецело нормируется законом и вне этих условий бытие юридического лица немисливо. В условиях анархической общественности, где совокупность координированных волей отдельных участников согласия создает единство этих волей, выражающееся в существовании согласия, так и в его планомерной деятельности, так как без этого единства волей никакое согласие немисливо, понятие юридического лица, как единой воли, в противоположность современному юридическому лицу, как господству организован-

ного большинства или меньшинства, находит свое наиболее яркое незамаскированное выражение. Точно также, если бытие юридического лица сейчас зависит от санкции закона, наделяющего его жизнью в обществе будущего, юридические лица в своем бытии будут зависеть только от себя, от своей внутренней мощи и целесообразности. Таким образом, на основании вышеизложенного, и не гнушась предостережений к тому, чтобы нельзя было наделить согласием правом юридического лица. Бытие же отдельных согласий не нуждается в санкции закона и обеспечивается, кроме той, всей мощью, но не властью организованным обществом. Начало федерации, — начало свободного союза, охватывающего все многообразие жизни снизу вверх, а не сверху вниз, т.е. органический, естественный рост жизни и творчество масс, вот что должно будет создать подлинное человеческое общество.

Кроноткин говорит: „Настало время обратиться к той выгоде, которая проистекает от интеграции труда, от его объединения; до сих пор политическая экономия знала только разделение труда; мы же настаиваем на его объединении: на том, что идеалом общества (т.е. тем, к чему оно уже стремится) — является такое общество, где каждый трудится физически и умственно, где способный к труду человек работает в поле и в мастерской; где каждая нация и каждая область располагая разнообразием природных сил, сама производит и потребляет большую часть своих продуктов земледелия и промышленности“ (Кроноткин — Поля, Фабрики и Мастерские).

В настоящей статье я не буду углубляться в проблемы политической экономии. Скажу только, что в отличие от современности центром тяжести экономической науки будет жизнь, конкретная личность с ее потребностями, тогда как теперь та же личность приносится в жертву, или ради обогащения немногих, или во имя достижения высших идеалов; говоря о нуждах промышленности или сельского хозяйства забывают, что нуждаться в чем либо может только реальный человек. В условиях же современности нужды

промышленности и нужды общества далеко не одно и то же.

И так жизнь строится по принципу согласия. Вот перед нами, допустим, фабрика. Тысячи невидимых нитей связывают ее органически со всем строем жизни. Работающие на фабрике выбирают из своей среды на известный срок, с правом переизбора в любой момент, административно-хозяйственный аппарат, задачей которого будет состоять: руководство производственными процессами, распределение рабочей силы, введение всякого рода усовершенствований, а также обеспечение производства всем необходимым сырьем, ведение отчетности и т.д.

Недовольные выборами могут установить свое новое согласие и договориться или перейти работать в другую индустрию.

Через посредство своего выборного органа данная фабрика сносится с аппаратами заготовок сырья, распределения продукции и т.д.

Нужно полагать, что район сбыта продукции будет естественно, за немногим исключением, строго территориальный, так как не будет надобности распространять его далеко за пределы известного округа, в виду того, что и другие округа будут иметь внутри себя развитую промышленность; исключения будут составлять только некоторые виды промышленности, тесно связанные по роду своей деятельности с известным местом, как например, разработка каменноугольных копей, добыча металлов, судостроение и т.д.

Возвращаясь к нашему вопросу — примеру с фабрикой, необходимо спросить себя, где же те линии сил, по которым будет строиться хозяйственно-экономическая жизнь? Поставленный вопрос приводит нас неизбежно к проблеме организации как самих согласий, так и их взаимоотношений.

Переходя к разработке поставленного вопроса, можно наметить четыре основных типа экономических согласий: согласия территориальные, производственные, сельско-хозяйственные и профессиональные.

Территориальные согласия объединяют в себе всю совокупность лиц, живущих на данной территории. Начало этому будет положе-

по в объединении лиц, населяющих один дом. Объединения домов между собою на квартальные или на районные объединения. Главной целью этих объединений будут нужды лиц, населяющих данный район. В каждом районе или в квартале имеется исполнительный орган-совет, где выбранные от домов сообщают хозяйственные нужды населения, без какого либо намека на управление, т. е. всегда оставаясь строго в рамках исполнения данного поручения. Отсюда и советы приобретают по существу посреднический характер в деле снабжения населения всем необходимым. Они ведут учет поступающих заявок, передают их для исполнения соответствующим органам, а затем учитывают все то, что выполнено и поступило в распоряжение района.

Организация совета выборная: члены в совет избираются на общих домовых собраниях, при чем, если имеется разногласие, то каждая группировка может послать от себя то количество выборных, которое соответствует ее желаниям. За выборщиками, кроме того, всегда остается право отозвания и перебора своих уполномоченных в любой момент. Наконец, процедура выборов может происходить таким образом, что выборщики разбиваются на более или менее небольшие группы и каждая группа единогласно избирает своих представителей.

Необходимое количество членов совета определяется его работой, при чем излишнее количество выборных, если таковое будет обнаружено, возвратится к своим обычным занятиям. В каждом районе имеется достаточное количество магазинов и складов, обеспечивающих потребности населения, фактически же снабжение производится таким образом, что предметы имеющиеся в изобилии раздаются без ограничения, в отношении же ограниченного количества каких либо предметов производится разверстка пропорционально количеству населения, принимая во внимание такие категории живущих, как старики, больные и дети.

Роль профессиональных союзов в деле снабжения населения сводится к роли передачи заказов от отдельных районов соответ-

ствующим фабрикам и заводам, при чем отсюда следует, что в каждом районном совете имеется представительство профсоюзов для большей увязки с местным населением и планомерная деятельность которого в деле распределения заказов по фабрикам и заводам согласуется с центральным органом данного населения.

Лица живущие в данном районе, по роду своей деятельности могут принадлежать к различным производственным единицам, в которых они и образуют соответствующие согласия. В добавление к примеру с фабрикой, можно сказать, что тот же принцип выборности будет иметь место и в организации управления отдельных фабричных цехов или отделов.

Организация кустарного промысла будет строиться таким образом, что отдельные кустари могут, если пожелают, составить объединение или работать в одиночку, получая нужное помещение, необходимые орудия производства и сырье через посредство своего районного совета. Говоря о деятельности профессиональных союзов нужно сказать, что их прямой задачей является, главным образом, снабжение отдельных предприятий необходимым сырьем, машинами, инвентарем, материалами и т.д. Отдельные предприятия споса-ются с соответствующими профсоюзами и эти последние выполняют требования поступающих заказов.

Никаких выборов в профсоюз, чтобы быть его членом не производится и всякий работающий в той или другой отрасли промышленности уже тем самым принадлежит к соответствующему профсоюзу. Самая же организация профсоюзов, как посреднического аппарата, выступающего в роли снабжения как отдельных фабрик и заводов, так и населения через посредство его советов, строится на основе выборов от отдельных фабрик, заводов, мастерских и т. д. Сроки уполномоченных выборных в исполнительный орган союза устанавливаются самими выборщиками, при чем эти последние пользуются правом отозвания своих делегатов в любой момент.

В целях наиболее полного и наилучшего удовлетворения нужд населения, также про-

мышленности, в каждом поселении, кроме представительств в районных советах, имеется одно центральное представительство профессиональных союзов, количество членов которого варьируется в зависимости от интенсивности жизни данного места. Совокупность профессиональных организаций составит единую федерацию профсоюзов, деятельность которых пойдет по линии снабжения промышленности сырьем, машинами и т. д., а также наилучшего и наиболее полного удовлетворения нужд населения в необходимом комфорте и удобстве жизни.

Что касается культуры сельского хозяйства, то в этом отношении приходится сказать, что так как в развитом анархическом обществе грань между городом и деревней стирается, то, конечно, согласие сельскохозяйственного типа будет строиться, главным образом, теми же самыми лицами, которые являются непосредственными участниками производства. А это значит, что в период необходимый для обработки полей, нужное количество лиц переходит от участия в производстве к полевым работам. Это может, правда, повлечь за собой приостановку даже закрытие на время сельскохозяйственных работ части промышленности, но при надлежащем учете потребностей населения и деятельности, в связи с этим, фабрик и заводов, это не сможет ни коим образом, повести к ухудшению материального благополучия населения.

Соединение же в одном населенном пункте развитой промышленности и сельского хозяйства даст возможность применить в области последнего наиболее усовершенствованные методы обработки. Зерно и другие сельскохозяйственные продукты поступают в соответствующие хранилища и элеваторы и оттуда передаются для дальнейшей обработки на мукомольные мельницы и другие предприятия. Продукты не требующие обработки, непосредственно идут на склады и магазины для нужд населения. Необходимое количество лиц, образующих объединения для производства полевых работ, выделяют из себя известную часть, которая и принимает участие в дальнейшей судьбе полученных продуктов, т. е.

организует и производит доставку их на эссыпные пункты и другие места хранения, производит учет, доводит до сведения центрального профессионального органа о количестве поступивших продуктов, при чем этот последний принимает меры для дальнейшей их обработки; в отношении же продуктов не требующих обработки доводит до сведения советов, в распоряжение которых они затем и поступают, направляясь в соответствующие районные склады и магазины для снабжения населения.

Все вышеизложенные формы строительства жизни приводит нас к признанию того факта, что принцип применения интегрального труда вырастает до степени „*Conditio sine qua non*“ в создавшихся условиях. А отсюда возникает проблема образования, как обеспечивающая человеку возможно полное применение его умственных и физических сил, знание и сущность которых проявятся в гармоническом, естественном росте культуры и цивилизации. Если в современном обществе одна группа населения живет исключительно умственным трудом, другая же не может выйти за пределы труда физического, то протекающий отсюда антагонизм и нравственно создает привилегированное положение для сравнительно небольшой части населения, в противоположность массам, доступ которым к умственному труду закрыт. Упомянутые причины не могут, конечно, создать благоприятных условий для гармонического развития личности и общества, а также и для преодоления социально-экономических противоречий современности.

Отсюда же с необходимостью следует, что образование должно идти по линии объединения в каждом учащемся ремесленно-технических знаний с широкой научно-теоретической подготовкой. Иными словами, всякий должен уметь трудиться как умственно, так и физически.

Соединение же умственного и физического труда в одном лице и даст его интеграцию. Из вышеизложенного вытекает, что тоном общественной жизни будет максимальное проявление сил и способности каждого отдельно-го человека. Осмысленный, свободный и радо

стный труд человека будет залогом его счастья, а рационально устроенная жизнь, общества обеспечит его всем подобающим комфортом и удобством жизни, цивилизация же и культура будет подлинным достоянием всего человечества. Человек будет обеспечен с момента рождения всеми экономическими и духовными благами общества, подобно тому, как теперь сама природа обеспечивает всех солнечным светом и воздухом. При воплощении в жизнь только что сказанного, высочайшая духовная культура будет иметь место, так как будут удовлетворены необходимые условия подлинной человеческой жизни, достаточные же условия для развития духа человека будут иметь свои корни во всем строе будущего общества, в котором его досуг от непосредственного участия в производстве будет велик, так как будет обеспечен высоким уровнем техники, надлежащей общественной организацией и наиболее совершенными приемами обработки.

Высказывая мысль, что человек с момента рождения будет обеспечен всеми благами, какими будет располагать общество, мы касаемся этим в сущности проблемы, так называемого детского вопроса. Дети суть только объекты любви и принадлежат только себе и больше никому. Общество, так же как и родители имеют лишь обязанность в отношении их, выражающую в воспитании и руководстве их развитием как физическим, так и умственным. В случаях сиротства, а также тогда, когда родители не желают почему либо сами воспитывать своих детей, общество в лице своих воспитательно-образовательных учреждений берет на себя руководство в деле их воспитания и образования. Независимо от того, находится ли ребенок при родителях или нет, развитие его должно быть обеспечено всеми имеющимися налицо ресурсами как материальными, так и духовными. В этом отноше-

нии общество должно быть на высоте поставленной задачи, ибо проблема воспитания и образования есть в сущности проблема его же собственного бытия.

Заканчивая настоящую статью, нельзя не упомянуть о том, что вся выгода протекающая от вышеуказанной организации общества сравнительно с существующими государственными порядками, заключается, независимо от экономической стороны вопроса, также и в отсутствии чрезвычайно громоздкого и дорого стоящего чиновно-бюрократического аппарата и в осуществлении свободного, неанемного труда.

Если в современных условиях, когда труд считается формально свободным, по существу же всегда оставаясь крепостным, подневольным, возможно все-же проявление некоторого творчества, то в условиях действительной свободы, никакая фантазия не может представить себе того размаха, той силы, в каких будет проявлять себя творческий гений человека. Но, конечно, все зависит только от воли и сознания людей, без наличия которых никакая анархия возникнуть не может. Свободу не дают, но берут. И если задачей настоящей статьи и было неkanie форм анархической общественности, оставаясь в рамках социально-правовых, то мне хотелось бы подчеркнуть сейчас, что последнее есть только базис, откуда развивается жизнь человека с его душевно-духовными вопросами, тот базис, на основе которого должна будет развернуться культурная жизнь человечества со всеми ее оттенками, во всем ее разнообразии, принимая во внимание науку, искусство, а также и многие другие стороны проявления духа человека.

Существом же настоящей статьи была формула, что без равенства нет справедливости, а без справедливости нет нравственности.

Назавский.

Б. В.

ПРУДОН О КАПИТАЛО=КОММУНИЗМЕ

Все великое национально творческое и самобытное будущее России зависит от того, удастся ли ей вырваться из рокового кольца капитало-коммунизма, которое оковывает социально-экономическую жизнь Западной Европы и определяет весь стиль ее быта. Пролетарский социализм составляет сейчас основное верование Западно-Европейских народных масс и определяет в конце концов все их устремления. Капитализм бороться с этим устремлением принципиально не может, ибо развитие капитализма производит пролетариат —цию населения и социализацию жизни.

Большая "капиталистическая" фабрика живет и работает коммунистически. Стиль фабричного коммунизма, распространенный на всю жизнь, противен каждому человеку, особенно русскому. Капитализм плох тем, что он приводит к коммунизму; коммунизм плох тем, что он есть доведенный до предела капитализм. Капитализм в буквальном смысле посаженный на престол, государственный капитализм! Всякому ясно, после русского опыта, что коммунистическое государство и государственный капитализм — это одно и то же.

То, что капиталистом является само государство (в форме диктатуры компартии) — есть, конечно, большое ухудшение для рабочих и большое облегчение для возможности их эксплуатации. „Буржуазный“ капиталист не обладает, в противоположность коммунистическому, полнотой власти над жизнью и смертью рабочего, от него можно уйти, его можно сместить; от пролетарского диктатора, овладевшего капиталом всей коммуны — уйти некуда.

Вот что означает железное кольцо капитало-коммунизма: капитализм и коммунизм в принципе — тождественны. У них одно и то же милосердие, один и тот же стиль жизни, один и те же стремления.

Это милосердие есть „экономический материализм“, т. е. утверждение, что самое важное и самое ценное в жизни, от чего все остальное зависит, и к чему „все остальное прилагается“ — это производство и распределение материальных благ. Буржуа и капиталист

думал это в течение всего девятнадцатого века и думает это сейчас в такой же мере, как и пролетарий. Оба суть вщепоклонники.

Стиль жизни капитало-коммунизма есть стиль фабричного поселка, стиль фабричной коммуны с ненавистными для расчистых корпусов „общежития“ и с комфортабельными квартирами для тех, кто властвует и управляет. Никакого иного стиля жизни „пролетарская“ культура не выдумала: пришлось пролетарским поэтам воспевать фабричные корпуса, построенные капиталистами.

Наконец и стремление одно и то же: выделить класс людей, властвующих над рабочими. При этом коммунизм может осуществлять эксплуатацию рабочих и крестьян более безопасно и в более грандиозных размерах, чем капитализм.

Капитало-коммунизм — есть самая всеобъемлющая форма властвования и самая совершенная форма эксплуатации.

Вот то роковое кольцо, в котором заката социальная жизнь Европы. Является ли оно неизбежным для всех национальных культур? Для России, для Китая, для Америки? Уже для Америки классовой борьбы и капитало-коммунизма в сущности не существует. Не существует его и для России. У нас никогда не было того капитализма, о котором писал Маркс, и у нас никогда не было пролетариата в Западно-Европейском смысле. Да и как бы все это могло быть в великой земледельческой стране, где рабочий вопрос есть второстепенный вопрос? Пролетарский социализм и марксизм в России есть совершенно искусственное насаждение, произведенное анти-национальной частью русской интеллигенции, предел денационализации, предел европейского рабства русской мысли, предел отчуждения от самих себя.

Все будущее России зависит от того, удастся ли ей извергнуть из своей культуры чужеродную прививку социализма, не впадая при этом в болезнь западно-европейского капитализма. Может ли быть перспектива более

скупная и безнадежная, чем насаждение традиций капитализма в России, с неизбежной пролетаризацией, с парламентаризмом, с партиями пролетарского социализма, с классовой борьбой? Тогда Россия будет повторять то, что уже изжито другими. Но если русские рабочие и крестьяне преодолеют и отвергнут коммунизм, отвергнут сами, после опыта, после изживания, — вот тогда Россия будет впереди, будет творить новую социальную идеологию. Национальная миссия России и состоит в том, чтобы извергнуть из своего тела западный яд коммуно-капитализма и всяческого социализма; но мировая миссия России, быть может, будет состоять в том, что она покажет западу ничтожество и неправду его социалистических и коммунистических верований. Нельзя показать эту неправду посредством прославления и восстановления капитализма. Преодоление жалкой пролетарской идеологии должно исходить из отрицания коммуно-капитализма.

Россия уже почти переварила, растворила в своей стихии коммунизм; он существует еще только в речах Бухарина, в "Известиях", в позитрамоте; еще один шаг, одна стадия и коммунистическая идеология совершенно выветрится и будет окончательно уничтожена, и вот тогда станет проблема новой идеологии и с нею новая опасность. Русские западники и западные социалисты скажут: это был не настоящий социализм, опыт был произведен неправильно, коммунизм совсем не есть социализм.

Таким нужно прежде всего напомнить слова Прудона, которые получают теперь совсем особую ценность: „коммунизм есть фатальный конец социализма! И вот почему социализм есть ничто, всегда был ничем, и всегда будет ничем“ (284 *). Прудон обладал способностью к философскому мышлению, он умел видеть сущность вещей и чувствовать историческую связь идей, поэтому он понимал, что коммунизм есть предельное выявление сущности социализма. Термины „социализм“ и

„коммунизм“ он употребляет, как равнозначные (напр. 280).

Почему социалистам всякого рода так неприятно напоминание о Прудоне? Почему индий начетчик социализма из всех сил старается выловить из многочисленных томов Прудона хоть какую-либо жалкую цитату, благоприятную для социализма, тщательно замалчивая и скрывая ту убийственную для социализма критику, которую он дает постоянно и повторно, которая с необходимостью вытекает из основного пафоса его души из пафоса свободы и справедливости? Да просто потому, что Прудон хотел и умел показать рабочим **шарлатанство** социализма, фиктивность предлагаемого решения социального вопроса. „Социализм показал себя столь же жалким мыслителем, сколь и презренным **шарлатаном**“ (294).

Шарлатанство состоит в том, что социализм есть не средство освобождения рабочих, а средство закрепощения рабочих, средство властвования и эксплуатации. Все социалисты на вопрос о том, как реализовать их утопии, отвечают одинаково: необходимо немедленно вручить им, социалистам, всю власть и все богатства страны (270, 273). Рабочий вопрос здесь решается так: все население обращается в рабочих, в пролетариат, работающих на государство (284) и управляемый абсолютной властью т. н. социалистов.

Если рабочие ищут **освобождения**, то здесь они получают над собою диктатуру. Принцип коммунизма, говорит Прудон, есть диктатура: диктатура индустрии, диктатура торговли, диктатура мысли, диктатура социальной жизни и частной жизни, диктатура — везде. Такова его догма в согласии с Платоном, Робеспьером, Наполеоном и Луи Бланом. Коммунизм неизбежно приводит к абсолютизму и тщетно указание то, что этот абсолютизм **переходный**: переход продолжается вечно — *la transition est éternelle* (301). Коммунизм есть полицейская организация индустрии (293). В коммунизме невозможна никакая свобода. В нем будут существовать только государственные газеты (300), только „Госиздат“!

Далее, если рабочие ищут **равенства**, то

* Цитировано по Proudhon, Oeuvres Complètes, Paris 1923. Ed. Marcel Rivière, sous la direction de Bongle et Moysset, Bd. II.

“Эти лицемерные реформаторы” прежде всего хотят „неравенства в распределении благ“, ибо для них „справедливость, разум, знание — ничто, лишь бы они управляли другими и наслаждались. Они замаскированные сторонники собственности: они начинают с пропаганды коммунизма, а затем конфискуют коммунистическое достоинство в пользу своего жедудка“ (276-277). То поразительное неравенство в распределении, которое сразу обнаружилось с первых шагов в опыте русского коммунизма, блестяще подтверждает это предвидение Прудона.

Коммунизм уничтожает всякое индустриальное творчество и всякую творческую индивидуальность. Модистка, ювелир, художник — профессии анти - коммунистические. (300). Если задача природы есть безконечное индивидуальное многообразие, то ему коммунизм хочет положить предел! Коммунизм людей превращает в одинаково безмысленных и бесцелесных устриц! (282).

С поразительной проникновенностью Прудон высказывает то, что на опыте обнаружилось в первый период русского коммунизма: жизнь в коммунах отвратительна для человека, принудительная близость делает невыносимыми всякие „общения“. Справедливо буддийское изречение: „близость людей далеких есть страдание“. Удивляет то чувство справедливости, с каким Прудон цитирует здесь замечательные слова великого мыслителя реакции, Жозефа де-Местра: „Дыхание человека, говорит граф де-Местр, смертельно для ему подобного, — в физическом и в моральном смысле... Прочь от меня коммунисты! Ваше присутствие для меня позор и ваш вид мне отвратителен!“.

„Я тем более чист, тем более свободен, тем более неприкосновенен, чем в более отдаленном общении (*communaute*) состою с себе подобными, так напр., в общении солнца (*en communauté de soleil*), в общении страны, или языка. Напротив, я чувствую себя тем более профавинованным и менее достойным, чем в более тесном общении они состоят со мною, напр., коммуна в стиле Платона (277). „Покажите мне две семьи, мужей,

жен и детей, живущих вместе, соединенных в совершенном коммунизме“ (276).

Невольно вспоминаются сцены из жизни земледельческих коммун эпохи наиболее неистового русского военного коммунизма, когда семьи „трудящихся“ соединились под кровлею помещичьих домов и начинали грызть и ненавидеть друг друга и превращались быстро в яростных индивидуалистов. В ту эпоху в России существовали всякие коммуны: земледельческие, художественные, студенческие; не существовало только никогда коммунистических коммун, т. е. коммун, состоящих из коммунистов. Эти всегда были для себя сторонниками абсолютно индивидуального и наиболее буржуазного хозяйства. В силу этого приобретают особую проницательность слова Прудона: „кто мешает социалистам соединяться между собою в коммуны? Разве на это нужно согласие министра или палаты? И кто же им мешает реализовать между собою их идею и чего они в конце концов ждут?“ (272-266).

Прудон прекрасно понимал и то, что окончательно обнаружилось в русской социальной революции: коммунизм есть государственный капитализм, а государственный капитализм есть самая тяжкая форма капитализма. „Что такое коммунизм? Это экономическая концепция государства доведенная до полного поглощения личности и индивидуальности инициативы. (293). „Для организации труда социалисты требуют себе власти и капитала“ (310, 270, 272). Ясно, что на этом пути социализм завершается властью капитала. В этом его лицемерно скрытое тождество с капитализмом. Вот как Прудон выражает парадоксальную мысль о тождестве капитализма и коммунизма, мысль, которую тогда никто не понимал и мало кто понимает теперь: „каждый раз, как коммунизм пытается осуществиться, он превращается в карикатуру собственности“ (258). „Коммунизм есть собственность, этого не понимают, и вместе с тем это несомненно“ (331). „Нет ничего в социалистической утопии, чего не было бы в собственнической рутине“ (293), иначе говоря, — в капиталистической рутине. Но самые важные и принципиальные удары, наве-

сенные Прудоню идеи коммунизма, касающиеся проблемы семьи и проблемы распределения (т. е., в конце концов, собственности).

Или коммунизм **разрушает семью** и тогда нет общества и продолжения рода, или коммунизм **разрушается семьей**, ибо неотделимыми атрибутами семьи являются: частное хозяйство, собственность, наследование — все что отрицается коммунизмом и несовместимо с ним. Любовь есть самое индивидуальное, самое свободное и самое антикоммунистическое явление: в коммунизме она заменяется или насилием, или проституцией (273, 281).

Другое, еще более важное противоречие состоит в том, что коммунизм не решает проблемы **распределения**, хотя всецело построен на обещании нового невиданного принципа распределения. Прудон указывает на то, что оба принципа распределения: „каждому по его способностям и трудам“ и „каждому по его потребностям“ негодны для организации социалистического общества: первый вообще противоречит всякому коммунизму и, пожалуй, составляет крайнюю его противоположность; второй — отрицает всякий смысл труда и может создать только то, что Прудон однажды назвал „соревнованием бездельников“ (281, 284). Здесь Прудон касается самого слабого места современного социализма: его полной юридической беспомощности и неспособности дать какую либо свою конструкцию собственности, чем либо отличимую от собственности буржуазной. А. Менгер коснулся этой темы в своем „Право на полный продукт труда“. Той же теме посвящается книга Н. Н. Алексеева „О собственности“ (печатается в Евразийском Издательстве), дающая критику социалистических принципов собственности и распределения в свете современной социальной жизни.

Трудно сильнее выразить отвращение к коммунизму, чем это сделал Прудон: „Коммунизм есть отвращение к труду, скука жизни, подавление мысли, смерть самосознания, утверждение небытия. Коммунизм в познании и в природе есть синоним нигилизма, неподвижности, ночи, молчания: это противоположность реальности“.. (301, 302). „Коммуна, подлая и раздражающая, бедна изобретени-

ем, бедна исполнением, бедна стилем; коммунизм есть религия нищеты“ (304).

Ценность этих суждений Прудона совершенно исключительная: он сам был рабочим (в противоположность большинству социалистов) и лично пережил трагизм „рабочего вопроса“; он был ярким противником капиталистической собственности и революционером. Он имел право сказать: „Будучи противником собственности более чем кто либо, я имею право выразить свое мнение о возможности коммунистической организации“ (260). Если он обрушивается на социализм, то с точки зрения капиталиста, как это обыкновенно делалось, а с точки зрения рабочего. Но и этого недостаточно: не классовая пролетарская корысть и зависть в нем говорят, а чувство **справедливости** и жажда свободы. Справедливость была его Богом, его центральной философской проблемой, он обладал религиозным пафосом справедливости, который был совершенно чужд Марксу и остался чужд всему пролетарскому социализму. В свете подлинной и глубокой интуиции справедливости он усмотрел принципиальную неправду социализма и всю бессмыслицу перехода от капитализма к коммунизму.

Ценность Прудона в том, что в нем впервые Запад осознал заколдованный круг капитализма, в котором осуждена вращаться его политическая мысль, попытается из него вырваться, хотя бы в идеи, в идеальной конструкции. И нам важно осознать этот круг хотя бы для того, чтобы его расколдовать и устранить странное навождение: у нас еще не было капитализма и уже нет коммунизма; поэтому мы стоим в совсем особых условиях. Но проблема **хозяина и работника** существует и у нас, и будет существовать. Она не решается уничтожением хозяев, как лицемерно, или наивно предлагает вульгарный марксизм: отношение хозяина и работника выражает некоторые устойчивые свойства человеческой природы, некоторое иерархическое различие, которое неустранимо в этом мире и даже может представлять ценность. Отношения хозяина и работника могут быть справедливыми и несправедливыми, причем не только хозяин может эксплуатировать работ-

А. С. ПАСТУХОВ.

ФРАГМЕНТЫ

Я — Истина, Жизнь и Путь.

1. Недостаточно победить, нужно убедить. Недостаточно убедить, необходимо обосновать. Победа говорит только о слабости побежденного, но не о правде победителя. Успех убеждает толпу, не умеющих размышлять, и вместе с нею гипнотизирует и других. Но рано или поздно иллюзию развеет ветер критики, словом или действием, — и за грехи иллюзии придется лишь расплачиваться поколениям-наследникам.

Необходимо обосновать, показать, что утверждение или действие соответствует природе исторического момента, задачам, которые оно должно выполнить.

2. „Мир состоит из звезд и людей“ — говорит поэт (Эмиль Верхарн). В центре мира — древо знания и древо жизни — говорит древний миф. Эта пашина была вновь наиболее ясно раскрыта в недавно кипевшем споре между критической и интуитивной философией.

3. Познание стремится найти действительность, как переживаемую часть некоторого вневременного отвлеченного мира ¹⁾, определенными основными началами и вытекающими из их соотношений закономерностями и ценностями. В единстве этих начал, осуществляемом в единстве мира знания, есть и Истина.

Значение одних фактов по отношению к другим, объективная ценность этих фактов

1) А. Бергсон в замечательной статье „Одновременность и длительность“ с изумительной ясностью показал, что физическое время одной природы — пространством и по существу совершенно отлично от чистой длительности живого времени.

ника (как думает вулгарный социализм), но и работник может эксплуатировать хозяина. Решение проблемы требует собственной глубокой национальной и религиозно-обоснованной интуиции идеи правды и справедливости.

Париж.

Б. В.

будет обоснована для познания, если оно найдет для них их место в этом отвлеченном мире, или, вернее, их отношение к основным началам этого мира, что, в сущности, одно и то же.

4. Действие стремится использовать закономерность, чтобы пережить, осуществить в своем переживании действительности высшую, представляющуюся ему для него все возможной, ценность мира. И если живое действующее сознание не только иррационально, и вообще в своем глубочайшем существе не принадлежит миру какого бы то ни было знания, то все же, практически, в каждый момент своей жизни оно переживает и осуществляет только что либо, принадлежащее тому или иному „месту“ мира знания, — и этим местом определяется его зависимость, его судьба, степень его развития, мера его свободы. Мир знания — лестница для него.

5. Художественный дар А. Бергсона дал ему возможность вновь оживить конкретное сознание некоторых начал, формулирующих переживаемый мир, сознание, утерянное интеллектуалистической философией. Он удивительно ярко и убедительно показал, что конкретная действительность есть чистая ответственность и потому невыразима в понятиях разума, что научное знание приобретает силу там, где ослабевает жизнь. Отсюда — открытые антитезы двух терминологий: одной — символизирующей иррациональную жизненность (качественность), пригодной только для пробуждения интуитивного осознания действительности, как она есть ²⁾ и другой — научной, пригодной только для построения разумом знания оформленной обычным разумом действительности.

6. Отсюда естественно выросли антитезы, воскрешающие старый дуализм, но в более тонкой и конкретной форме. Тако-

2) Например, такие термины самого Бергсона: чистая длительность, усилие, и т. п.

на антитеза эжменитого создателя психоанализа, Фрейда, 3), рассматривающего жизнь, как противодействие принципа жизнелюбия (стремление к жизни) и принципа покоя, устойчивости (стремление к смерти). Такова антитеза требований образования из науки, путем перестройки науки на целях и терминологии, с ним в олицетворяющих жизнелюбия, теории действия 4) и требований удаления из науки этой терминологии 5).

Отсюда же и особенно острая для анархизма антитеза индивидуализма, стремящегося отстоять жизнелюбия (свободу) и коммунизм, стремящегося к созданию устойчивой гармонической организации общества.

7. Философия, как известно, есть знание, вырастающее из познания границ принципиально-различных областей знания, знания принципов (ценностей), обосновывающих эти границы. Это гениальное открытие И.Канта, давшее ему идею построения трансцендентального метода, как основного момента философии, позволило ему создать критическую философию, основанную на факте существования науки.

Интuitiveная философия продолжила эту работу. Она выросла из познания границ, науки и факта интuitiveного знания и потребовала создания интuitiveной „науки“ типа мифа. Такой попыткой, красивой, но, конечно, пока еще легковесной, указывающей только направление исканий, и является „Творческая эволюция“ самого Бергсона. Он мог бы получить лучшие результаты, если бы обратился к истории, как наиболее яркой форме жизнелюбия.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

1. В дни, когда противоречия раздирают самые глубины общества, когда силы экономики, политики и идеологии, сконцентрированные до невероятной мощи, душат все, что иначе дышит, когда массовый распад личности соединяется с железной кованностью общественных групп, — основанная антиномия

общественности — противоречие между личностью и обществом — приобретает исключительный интерес.

Будет ли в этом процессе стерто всякое своеобразие живых конкретных личностей или они будут „только“ вымунштрованы в шере генерального штаба, — от такой постановки вопроса веет тихим ужасом.

Генштаб, управляющий жизнью и смертью какого либо народа, дал бы величайшую награду тому, кому удалось бы убедить этот народ, что своеобразие личности, это творить общество, а личность — лишь деятель его, что современные противоречия личности с обществом — лишь противоречия самого общества и сковывают его, что устранение этих противоречий силой единого плана, единой воли освободит творческий размах его, что лишь соприкасаясь в едином плане общества вполне зажгутся огнем его жизни. Ибо нет ничего легче управления безликими людьми, верующими в творческие силы своей безличности, в творчество безликого бога-общества.

2. Самое огненное слово, брошенное в мир распающихся душ, только всколыхнет их и не имея, в чем укорениться, умрет. Холодная сталь мысли должна тщательно обрабатывать каждый участок назревших вопросов прежде, чем сеять огонь и меч.

Не верить, не мнить, но знать. Мало знать, надо обосновать.

3. Пламенная защита личности романтическим народничеством сгорела впустую. Пришли железные батальоны марксизма, принесли организацию и расчет, расчет и организацию, — и перед их внушительностью склонилась не-романтическая душа народа.

4. Если бы защитники прав личности и глашатая ее свободы занялись серьезнее вопросом о том, в чем состоят силы и ценности личности, как их обнаруживать и овладевать ими, как их развивать, как ими в прямом действии отстаивать каждой конкретной личности, в конкретном обществе свое своеобразие и осуществлять свободу своего проявления, поддерживая такую же других, — они сделали бы несравненно более ценное и

3) См. „По ту сторону принципа удовольствия“.

4) Анархизм и марксизм: борьба классов, общественные силы и т. п. Здесь противоречивость марксизма, замеченная Сорелем.

5) Такая, например, вся работа И. Павлова и биохимиков в науке о поведении.

полезное дело и для народа и для себя.

5. Но для этого надо было ясно и отчетливо поставить сам вопрос о том, — в чем состоят отношения между личностью и обществом что такое личность и что такое общество. Надо было выработать метод для точного и доказанного ответа на этот вопрос. Всякий конечно, это „знает“. И, однако, сколько неясности, путаницы и противоречий обнаруживается в этом „знании“, когда его высказывают.

Но широкой публике думать лень. Она боится ворочать мозгами, и потому не хочет усомниться в ясности того, что ей кажется ясным. В результате ее водят за нос ловкие проходимцы, выуживая в мути ее мозгов все, что им угодно.

6. Современное общество — чрезвычайно сложное явление. А для нас представляет интерес именно оно и его возможности. Но прежде, чем бросить исторический взгляд на современность, надо создать для него опору в абстрактном исследовании того понятия, о котором идет речь. Конечно, интуиция живой современности всегда определяет пути абстрактных изысканий и придает им сок жизненности. Тем не менее наша задача носит философский характер, и потому она должна быть подчинена законам научного образования понятий.

7. Человечество, как общество, и его части изучаются общественными науками. Что же принципиально выделяет эти науки из других наук в человечестве и его частях. Возьмем, напр., антропологию, ее историко-географическую часть. Она изучает географическое распределение человека, как биологическое явление, по основному признаку коррелятивного и з м е н е н и я биологических свойств поверхности земли и биофизических (например, расовых) свойств человека. Для общественных наук все это является только условием, без которого мы не знаем и через которое познаем человеческое общество, и которым заним. принципиально отличная часть об общественных науках. Т. О. человечество (и его части), как биофизический факт, не является предметом общественных наук. Сле-

довательно, оно рассматривается ими, как психический факт.

Итак, общественные науки изучают человечество (и его части), как психический факт, в связи с его биофизической стороной, как условием.

8. Как психический факт, человечество (и его части) только со стороны его психической односторонности и разнородности. Тогда как общественные науки изучают его (и его части), как единство.

В чем же состоит принципиальное своеобразие этого единства.

9. Аналогичные единства изучаются в биологических науках. Это — биозона, муравейник, стадо и т. п.

В биозоне (например, в лесу или в озере) единство носит только биофизический, а в муравейнике и стадо-инстинктивно-эмоциональный характер, тогда как единство человеческого общества носит интеллектуальный характер, а инстинктивно-эмоциональная сторона на может быть и рассматриваема, как условие, без которого мы его не знаем и с которым его познаем.

Итак, общественные науки изучают человечество (и его части), как интеллектуальное единство, в связи с эмоционально-инстинктивной и биофизической сторонами его, как условием.

10. В отличие от органического единства (организм — клеточка) инстинктивно-эмоциональные (муравейник, стадо, стая...) и интеллектуальные (человечество) единства проявляются, как множество индивидуальных реакций (воль). Тогда как в организме реакции всех клеточек коррелятивно спаяны. Выразаясь метафорически, мы имеем здесь разные степени свободы.

Но инстинктивные единства подчиняют себе индивидов, как орудия (органические) размножения и процветания. Эмоциональные единства (толпа), кроме того, подчиняют себе индивидов заразительностью внушения (например, паника). И только в интеллектуальном единстве каждый индивид движется своими целями.

Другими словами, общество является некоторым единством интеллектуальных целей ин-

дивидов. Остается установить формы и содержание этого единства.

11. Формы общественного единства и вытекающих из него взаимоотношений, как известно, изучают науки о праве, обычном, уголовном, авторитарно-принудительном (государственном). Интеллектуальное содержание человечества изучают: со стороны формальной — философия, со стороны материальной — история интеллектуальной культуры.

Философия (например, Риккерт) классифицирует интеллектуальные цели вообще на благо (польза, наслаждение) и ценности (научные, эстетические, этические и религиозные). Индивид выделяет из них свои цели своей оценкой их. Очевидно, что вне опека проявляется, как поведение. Назовем личностью всякого интеллектуально-оценивающего индивида. Назовем характер его оценок-идею логическим строением его, как личности.

Итак, общественные науки изучают человечество (и его части), как некоторое единство идеологического строения составляющих его личностей, связанное в правовые формы, в связи с эмоционально-инстинктивной и биологической сторонами его, как условием.

12. Если права трансцендентальная философия, когда она утверждает объективность ценностей, то предыдущее исследование пришло к концу.

В случае, если ценности объективны, то зависимость оценок индивидов от психологического состояния всего общества является лишь биологическим пережитком, который должен все в большей мере устраниваться из жизни об-ва. Власть общества (или рода) над индивидом исчезает по мере того, как воля его руководится объективными ценностями. Эту точку зрения построил и обосновал И. Кант.

13. Но если здесь индивиды освобождаются от власти общества (или рода) падением определением целей их поведения, то тем сильнее они сталкиваются между собой при выборе средств для осуществления своих целей. Отсюда знаменитый „категорический императив“ Канта.

Это столкновение мы исследуем несколько дальше.

14. Если же права философия Бергсона, утверждающая, что личности являются выражением жизненности, то тут мы имеем или объективное мерило жизненности или ее создание. Первый взгляд в обосновании ценности совпадает с точкой зрения трансцендентальной философии, но принцип обоснования видит уже в переживающей индивидуальности, а не во всеобщности, как там. Его развивает, например, Зиммель. Второй же возвращает нас в пределы вопроса: кто же создает ценности, — общество (или род) или индивидуум. Этот взгляд вообще не может обосновать ценности, и интеллект индивидуума объявляет свой произвол их оценке. Философию такого произвола построил М. Шпенглер. Попытку (догматического характера) обосновать ценности на самой жизненности построили Ф. Ницше и Ж. М. Гюйо.

15. Генетически интеллект обнаруживается при известной форме развития (общества), и обнаруживается он, как Афина-Паллада из головы Зевса, в полном вооружении. Попытка Дюркгейма обосновать на этом генезисе свое положение, что интеллект — функция рода, и потому индивидуальность имеет лишь производное значение и должна быть подчинена общеобязательным общественным нормам прирудительного (государственного) типа, не имеет логического *raison d'être*. Интеллект сам являет себя, как функцию индивидуальности, и, следовательно, в интеллекте род совершенно разроsteается в индивидуальностях, в их самостоятельной жизни б). Род (обво) влияя ничто на индивидов личности, и с этого момента, его господствующее влияние переходит в чисто служебное. Инстинкт и эмоции становятся только опорой, силой, оформляемой и направляемой интеллектом.

16. Итак, мы имеем три критических типа взглядов на личность:

1. Ценности объективны и всеобщны. Личность руководится ими, как всеобщими целями. Ее интеллект ориентируется в ценностях (оценивает) и формирует ими поведение личности (ее идеологическое стремление). Лич-

б) Даже Кантовская всеобщность не есть Зигвардовская родовая общезначимость, а общность предпосылок.

ность свободна от рода, но обусловлена высшими ей всеобщностями.

2. Ценности объективны, но индивидуальны. Личность руководится ими, как целями своей индивидуальности. Интеллект находит их в самом потоке живой индивидуальности, познавая лишь интуицией, и обосновывает их принимая во внимание принципы индивидуальности. Формирование поведения личности (ее идеологического строения) ценностями производит лишь как бы опорный скелет. Личность свободна во внешнем мире, но обусловлена внутри себя.

3. Ценности обнаруживаются лишь как творческое содержание индивидуальности. Их объективность обоснована не в них самих, а только в объективности той индивидуальности, обнаружением которой они являются. Интеллект находит их только через интуицию методов отрицания ⁷⁾, в произволе внимания, т. найти, уже выражает их в своих формах во вне. Личность является только интеллектуальным выражением индивидуальности, поскольку не навязана интеллекту внешним влиянием. Свобода личности является выражением положительной (творческой) свободы индивидуальности.

17. Мистики примеряют все эти три типа взглядов, утверждая, что всякое познание, в том числе и эмоции, и интеллект, и интуиция имеют в своей основе недостаточно осознанное мистическое единение. Полнота единения, вскрытие в себе других индивидуальностей мира (экстаз), и есть свобода индивидуальности. Интуиция познает индивидуальность лишь как бы дурную бесконечность обнаружения ее сути, а не саму эту суть, о которой „нельзя сказать ни что она существует, ни что она не существует, т. е. определение существования (жизни) не подходит к ней“. В мистическом опыте совершается это единение, и тогда раскрываются, как вполне обусловленные этой сутью, все формы обнаружения, в том числе и индивидуальность. В этом — величайший детерминизм мистики. Но здесь же и ее еще более великий индетерми-

низм. Суть единения, „Я“, чистая Пифагорейская Единица, вневременно единственная, единая и множественная, суть всякой индивидуальности, — она ни в какой индивидуальности ничем не обусловлена, т. е. содержится в себе, в единстве своего множества, все определения и обнаружения. Сразу это трудно понять, путь к этому нужно пережить.

18. Итак, интеллект признает ценности лишь обоснованными или во всеобщем законе (И. Кант), или в индивидуальном законе (Зиммель), или в оформленной интеллектуальным „произволом“ интуиции индивидуальности (М. Шпенглер), или в мистическом опыте (мистики). Пути догматической метафизики партий, церкви, школ и государств, действующие на интеллект через эмоции (авторитарность, красота, простота, удобство, выгодность, этичность, внушительность и т. п., „убедительность“) через неясность сознания и т. п. пути, являются, с точки зрения интеллекта, — насилем, допустимым лишь в пределах слабости интеллекта, и то только в направлении усиления интеллекта и освобождения его. Воспитание интеллекта должно развивать в нем критические силы, противодействующие всякой догматике.

19. С точки зрения интеллекта, оценку индивидуальности выражает его поведение и связанное с ним изменение среды. Это последнее характеризует внешне все ценности его идеологического строения. Этот „вес“ интуитивную усматривается, как некоторая „сила“, формирующая внешний мир ⁸⁾.

20. Мы уже сказали выше, что условным интеллектуальной жизни общества является его эмоционально-инстинктивная и биофизическая стороны. Эти стороны и формируются силами личностей в их поведении. При этом обнаруживается двойное влияние личностей друг на друга, изменяется внешний мир как объект оценки (или, что то же, как средство осуществления), и производится давле-

7) Произвольно в процессе оценки попеременно признаются неприемлемыми те или иные оценки: психологически-это самое верное описание процесса.

8) Термин „сила“ символизирует усилие и сопротивление ему, хотя бы воображаемое. С точки зрения интеллекта (и естественно - научном физико-математическом мировопонимании) никаких сил не существует, есть лишь качественные (пяти внешних чувств) и количественные изменения и их закономерность соотношения.

ние личностей друг на друга в направлении и осуществлении своего идеологического строения. Примером первого является техника, примером второго — мода.

21. Итак, с точки зрения интеллекта, идеологическое строение и поведение личности (ее оценка), обусловлены ценностями, в которых она обосновывает свою оценку, организмом индивида (биофизика), родом (инстинкта и эмоции), коллективом (коллективные эмоции), идеологическим строением других личностей (внушение) и обусловленностями внешнего мира, как объекта оценки, как средства удовлетворения, осуществления ценностей.

22. Т.е., личность, поскольку она кладет связь ценности во главу угла своих оценок, своего поведения, или, что то же, поскольку она отстаивает определенный смысл его, она принуждена принимать во внимание свою зависимость от остальных выше перечисленных фактов, что ощущается ею, как не свобода.

23. Но в то время, как ее зависимость от ее биофизической конструкции (как организма) и от ее родовой психики воспринимается ею только, как проблема **цельности и силы воли личности**, — подверженность ее внушению коллектива и личностей ощущается ею, как психическое порабощение, ошаблонивание личности. Спротивление этому ошаблониванию характеризует устойчивость, выкованность личности, ее психическую мощь.

24. Если права точка зрения, обосновывающая ценности во всеобщем законе, то своеобразие личности сводится к своеобразию ее отношения ко внешнему миру, как объекту оценки, и, вследствие этого, к своеобразию средств осуществления ценностей. Тогда ошаблонивание личностей масс, производимое героями, как впитавшими в себя квинт-эссенцию исторической ценности, будет нормальным, моральным фактом истории. Такая рационалистическая точка зрения абсолютно неприемлема для отстаивающих принципиальное своеобразие личности. Тем более для философского индивидуализма. Здесь — противоречие самого интеллекта, заставляющее его искать опоры в интуиции.

25. С точки зрения интуиции, внушение

со стороны „героев“ истории допустимо лишь в пределах бессилия индивидуальности выявить себя, свои ценности в своем сознании и в окружающем мире, но и то только, как временная опора, только для укрепления ее сил, только в направлении ее освобождения.

26. Догматическая философия исходит всегда или из наследованной догмы, или из интеллекта и интуиции определенных индивидов или групп (9). Следовательно, интеллект и интуиция, как таковые, не являются ее принципами, не признаются ею. Поэтому догматическая философия антииндивидуалистична даже тогда, когда она, по формам выражения, защищает индивидуализм. Ее сила — **гнущение**.

27. Наконец, в отношении к внешнему миру, как объекту оценки, естественно выявляются два типа отношений между личностями.

С другой стороны, влияние личностей на внешний мир в направлении осуществления своих ценностей, может встретить взаимное противодействие, в силу противоположности их ценностей, их идеологического строения. Но тогда невольно личности видят друг в друге средства.

С другой стороны, личности могут усматривать друг в друге непосредственный объект оценки. И тогда они тоже видят друг в друге средства.

Такие отношения, если они не регулируются соответствующими моральными или правовыми принципами, вводящими, как неперемное условие — свободу личности, ее согласие, — неминуемо превращаются во внешнее порабощение слабых сильными, в обычное рабство.

28. Интеллект, как мы уже отметили, формирует явления мира в научный опыт, в науку, исходя из себя самого, из своих свойств. В силу этого, принадлежа индивиду, он формирует последнего в самодовлеющую личность. Следовательно, обнаружением личностей, как таковых, является:

1. Существование и развитие индивидов, в их неинтеллектуальных сторонах, не парализующее интеллект, но содействующее ему.

9) Мистика, как известно, вообще чужда всякой догматике. Там, где у мистиков появляется догматический тон, говорит их рефлексия.

2. Самознание каждой личности, как свободы интеллекта и достоинства ее ценностей.

3. Самозащита ее свободы и своеобразия и цельности ее идеологического строения.

4. Саморазвитие в направлении расширения возможностей свободы и богатства ценностей.

5. Самоосуществление во внешнем мире.

6. Взаимопризнание друг друга в их свободе и достоинстве.

7. Взаимопомощь, как использование друг друга по крайней мере без понижения свободы и достоинства каждого.

29. Человеческое общество, как единство идеологического строения личностей, его составляющих, должно удовлетворять всем этим пунктам. Мало того, оно является не только фактом, обусловленным биофизическим и психическим единством индивидов, но и тем условием, которое мы знаем, как необходимое для обнаружения и развития личности. Это доказывает содержание всякой, научно построенной, биографии. Но, раз так, личность, раз она исходит из себя самой, как цели, как совокупности своих ценностей — неминуемо видит в обществе средство для вышеперечисленных пунктов своего обнаружения, она требует от общества содействия им.

А между тем, как мы установили выше, общество содержит в себе элементы, которые парализуют эти требования и, даже, дают совершенно противоположные результаты:

1. Оценка личностями друг друга, как средств, ведущая к внешнему порабощению.

2. Коллективное внушение эмоций, уничтожающее личность в ее внутренней особенности и самостоятельности.

3. Наследуемая догма и общественные привычки, парализующие интеллект.

4. Внушение индивидуального или массового идеологического строения, парализующее обнаружения своеобразия личности.

Требования личности, как действие ее на общество, и это контр-действие общества на личность встают друг с другом в острое

противоречие, по мере того, как растет активность личностей и общественной жизни (что в силу предыдущего взаимно обусловлено).

В этом и состоит знаменитая **антиномия** общественной жизни.

30. Таким образом, мы пришли к заключению, что уже отвлеченное рассмотрение вопроса приводит к обнаружению антиномии. Следовательно, она лежит в корне всякой человеческой общности, независимо от степени и формы ее культуры, но возрастающая в своей остроте с активностью общественной жизни. Правда, где в общественной жизни личность парализована, там парализовано и обнаружение этой антиномии. Но там и нет собственно общественной жизни, а лишь застывшая во времени и пространстве форма ее. Ленин в „Государство и революция“ видит в таком маразме общности конечный идеал ее. Мы, анархисты, видим свои конечные идеалы совсем в обратном: в активности общности, доведенной до творчества, до экстаза. Следовательно, мы влечем общество к обострению его антиномичности. Не разрушим ли мы на этом пути и общество и личность, как таковые?

Во всяком случае, окончательного разрешения антиномии нужно искать за пределами интеллекта, ее выдвинувшего. Интуиция этого разрешения не знает, так как она утверждает лишь непредвиденность творчества в его возможном многообразии, и, следовательно, бесконечное созидание новых форм антиномии.

И только мистики видят окончательную безусловную разрешенность антиномии в экстазе, как высшей форме мистического опыта. В этом их утверждение совпадает с анархической волей.

Посмотрим теперь, какие факты предварительного решения дает нам интеллект. Абстракция должна нам дать опору и метод.

(Продолжение следует)

А. С. ПАСТУХОВ.

Д'АЛЬБ.

ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВО

Одним из главнейших факторов гармонического развития человека и главным образом его „Я“ — является искусство. Настоящая статья ставит себе задачей выяснить значение последнего при формировании и развитии особых свойств человеческого духа. Самое понятие „искусство“ достаточно полно выяснено различными философскими системами, поэтому мы не будем на нем останавливаться, а прежде всего придется обратить внимание на то совершенно особое состояние, в котором находится психика человека, непосредственно воспринимающего впечатление от какого-либо произведения искусства.

Рассмотрим сперва процесс восприятия литературных произведений; при чтении последних приходится напрягать волю в целях концентрации, сосредоточения сознания исключительно на данном произведении, — следовательно, прежде всего приходится встретиться с так называемым „сужением поля сознания“, т. е. с определенным отрывом нашего „я“ от окружающей реальности, человек должен углубиться только в мысли и образы автора. Отрыв такого рода выводит уже человека из рамок обычного существования при котором внимание рассеивается на тысячи мелочей. Такого рода выделение „я“ из окружающей обстановки в первые моменты (пока к нему еще не присоединяется ряд эмоциональных переживаний, т. е. чувств) можно назвать состоянием „покойного созерцания“. В подобное состояние „покойного созерцания“ в первые моменты приводят все роды искусства; действительно, если приходится любоваться пейзажем, какой-либо картиной, слушать музыкальное произведение, стихотворение, то прежде всего следует суметь установить определенную связь между собою и воспринимаемым произведением, т. е. сконцентрировать на нем (точнее на какой-либо части) все свое внимание. Действительно, при первом восприятии произведений получается некоторое смутное, неясное, довольно сбивчивое представление, которое лишь после напряжения воли и отнесения нашего сознания

к данному объекту становится все яснее и яснее. Дело происходит так, как если-бы пришлось рассматривать здание в глубоких сумерках, — получается лишь общее впечатление, а для полного необходим свет.

Способность человека приходить в выше-казанное состояние „покойного созерцания“ нельзя объяснить, как определенную физиологическую потребность, вызванную теми или иными функциями организма. Здесь несомненно приходится встречаться с совершенно особыми свойствами, присущими лишь высшим (психическим) частям человека.

Восприятие произведений искусства не ограничивается только состоянием „покойного созерцания“, — последнее есть лишь начальный этап, необходимое условие, без которого невозможно познать всю прелесть и ценность искусства. Действительно, как только с помощью волевого акта, удалось отвлечься от окружающей действительности — сейчас же открываются внутренние очи и начинает возникать ряд соответствующих образов: создается работа воображения, становится возможным обогатить свой внутренний мир сокровищами духа другого человека. Воображение стирает границы времени: оно оживляет прошлое, рисует картины будущего. Таким образом благодаря сосредоточению внимания возрастает сознательность, сознание становится значительно глубже, яснее и отчетливее.

После установления такой обстановки восприимчивости наступает следующий этап в развитии воздействия произведения искусства на душу; этот момент можно назвать моментом возбуждения настроения.

Воспринимающий индивидуум охватывается определенным настроением. Наиболее ярко такой момент проявляется при восприятии музыкальных и литературных произведений. Хорошо исполненное элегическое стихотворение создаст грустное настроение; вакхический гимн, настроение буйной радости. Но сила воздействия на настроение музыкальных произведений говорить не приходится: едва ли найдется хотя-бы один человек, который в со-

стоянии вести безудержно-веселый танец под звуки похоронного марша Шопена. Всем хорошо известно значение музыки, когда приходится бросать войсковую часть в бой; часть, идущая в бой под музыку, получает необычайный подъем, чем много облегчается поставленная задача. Не менее сильное впечатление создают и произведения зодчества. Как часто приходится слышать: в этом доме ужасно уныло, сумрачно, что-то гнетет; или наоборот: — здесь легко дышется, какое уютное, приятное и гармонизирующее здание. Достаточно указать на способ лечения, начинающий приобретать известность в медицине, а именно помещать больных в комнаты, дающие определенное настроение. Создание определенного настроения еще не исчерпывает всех стадий воздействия искусства. Настроение служит лишь к более глубокому моменту переживания. Произведение искусства заставляет нас пережить целый ряд сложных и сильных эмоций. Действительно, как-бы мало ни был развит воспринимающий субъект, он не может без ужаса смотреть на знаменитое полотно Ренина, где изображено убийство Иоанном Грозным своего сына. Невольно делаемся участником этой драмы и переживаем ее одновременно с отцом и сыном, хотя от изображенного события нас отделяет несколько столетий! Рисуешь себе всю обстановку, стараешься восстановить эпоху и вдуматься и почувствовать в сущности этой драмы. Другими словами, все предшествовавшие состояния сознания подготовили почву для самого действенного акта при восприятии произведения искусства, а именно дали начало творческой самостоятельности воспринимающего и как-бы подготовили почву для возможности прозрения. С наступлением момента прозрения, начинается самая высшая ступень воздействия искусства на воспринимающего, последний окончательно выделяет себя из окружающего, как-бы поглощается данным произведением, он живет теми мыслями и чувствами, которыми жил творец данного произведения и в момент такого подъема в нем самом могут открыться творческие силы. Даже если у него не откроется творчество, то высшая ступень созерцания произведений искусства дает моменты редкого блаженства, которые никогда

не забываются и заставляют человека строить свою жизнь так, чтобы подобные моменты с каждым разом углублялись, становились все ценней и ценней, т. е. заставляет человека страхивать с себя заботы повседневной жизни и развивать воспринимающие способности души. Таким образом мы разобрали воздействие произведений искусства на воспринимающее лицо и можно сказать, что оно сводится к следующему: 1), развивается способность — отрыва от окружающей обстановки, следствием чего является расширение, углубленность и отточенность сознания, 2), душа обогащается впечатлениями и переживаниями, 3), создается особое состояние прозрения, близкое к состоянию экстаза вдохновения.

Принимая во внимание все выше изложенное, можно сказать, что искусство какого-бы то ни было рода побуждает медитировать, т. е. углубленно, созерцательно размышлять.

Рассмотрев значение искусства для воспринимающего, перейдем к вскрытию процесса творчества художника. Очень часто приходится встречаться с мнением, что основной причиной творчества является стремление подражать или картинам природы или фактам, происходящим в природе. Действительно, при примитивной и поверхностной оценке вещей, может показаться, что это и на самом деле так: все первоначальные танцы есть подражание охоте, движениям подкрадывающихся зверей; но если вдуматься глубже, то становится ясным, что такого рода подражание не служит самоцелью, оно есть лишь передаточная ступень, средство. Непосредственной целью таких подражаний безусловно является познание, изучение, совершенствование, а также стремление приобщить к этому познанию возможно большее число людей.

Все без исключения художники обладают более высокой восприимчивостью и чувствую, по сравнению с остальными людьми. Конечно, далеко не всегда такого рода восприимчивость развита вполне гармонично. У одного более тонко воспринимается форма, у другого цвет, у третьего звук и ритм. Художника поражает определенное явление, — и он в его сущности подметит то, мимо чего менее чуткий человек пройдет не заметив; мысль или идея

овладевает художником, заставляет его напрягать волю, для воплощения этой идеи, а также и для передачи и закрепления ее в мире физическом ритмом, звуком, цветом или формой. Волевое напряжение художника при творчестве не может исчезнуть бесследно, — это напряжение создает то, что по аналогии с явлениями электрическими, я назову волевым потенциалом, напряжением данного произведения искусства. В существовании такого „волевого потенциала“ не трудно убедиться: возьмем для примера какой-либо подлинник произведения искусства и самую блестящую копию с него; как-бы ни была поразительна последняя, ее потенция будет несравненно ниже, она не произведет впечатления оригинала; единственным основанием этого может служить лишь то обстоятельство, что воля загражденная художником на создание оригинала была значительно активнее воли кописта, хотя возможно, что в смысле техники последний стоит и выше творца произведения. Эта накопленная воля художника эмануирует, исходит из произведения и оказывает на воспринимающее лицо чисто магическое действие, производит своего рода художественную гипнотизацию.

Действительно, поэтические произведения представляют нечто иное, как особый вид магических заклинаний, которые по воле художника могут вызвать перед нами тот или иной образ; музыка при своих вызывающих пользуется и ритмом и различными комбинациями звуковых сочетаний. Как на поразительный пример эмоции художественных произведений можно указать на произведения Мусоргского. Несмотря на свою музыкальную малообработанность, они как продукт чистого творчества, производят колоссальное впечатление. При звуках знаменитой песни Варлаама „Как во городе было во Казани“ перед нами встает пьяно-гульнивая Русь во всей своей богатырский рост, с ее необычайным размахом и ширью. Наоборот, вся гармонизация партии Шуйского вызывает образ сладкого, ехидного и неискреннего старика. Еще большее удивление вызывают те особые состояния души, которые возникают при слушании произведений Скрябина (Поэма Экстаза); здесь мы имеем дело с определенным порывом

и проникновением в потусторонний мир, и объяснить возникновение таких произведений просто подражательностью и физиологическими потребностями невозможно, так как почти все произведение основано на диссонансах очень часто непривычных и неприятных для уха. Не менее сильное впечатление получается и от картин художника Чюрляниса, которому в красках удалось воплотить целый мир сложных мистических переживаний.

Подводя итог всему сказанному выше, можно прийти к следующему заключению: всякое произведение искусства, являясь результатом высшего напряжения творческой воли художника, сохраняет в себе его психическую искру как — бы в скрытой форме. Эта сохранившаяся психологическая искра эмануирует и оказывает соответствующее воздействие на душу воспринимающего, заставляя ее консонировать, приходит в согласие с другой душой творца. Возникновение определенных впечатлений от произведений искусства не может быть объяснено чисто физиологическими данными; действительно, если это впечатление могло быть только результатом комбинаций тех или иных звуков, красок, форм, то имела-бы возможность создать копию неотличимую от оригинала; однако, как уже было указано выше, даже не весьма опытный ценитель всегда отличит оригинал от копии. Чисто материалистические обоснования теории искусства не могут быть правильными, так как нельзя объяснить только практическими соображениями тот фанатизм, с которым люди часто отдаются искусству и те жертвы, которыми так полна вся история последнего. Здесь без сомнения приходится встречаться с совершенно особой сущностью деятельности человеческой души, с совершенно особым ее состоянием, в котором мы действительно живо можем чувствовать существование особого мира, нашему наблюдению доступного лишь при специальном воспитании сознания. Искусство и является тем формирующим посредником, с помощью которого художник устанавливает связь с миром идей и дает их пластическое изображение средствами мира физического, и тем самым делает доступным познание потустороннего мира и для других людей.

Д'Альб.

НИК. ЗЛАТОГОРОВ.

СОВРЕМЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

I. ТЕОДОР ДРЕЙЗЕР

В одном из предыдущих номеров "Пробуждения" был дан краткий очерк современной американской литературы, причем автор его, Доротея Рансом, остановился, преимущественно, на именах талант., но второстепенных писателей. Начиная с этого очерка, редакция намерена дать ряд подробных характеристик, на именах известных, но второстепенных американских писателей. Первый очерк посвящается прославленному романисту Теодору Дрейзеру.

—0—

Теодор Дрейзер, которому теперь пятьдесят шесть лет, стоит во главе современной американской литературы. Его часто называют "отцом современного реализма", имея в виду, что и до Дрейзера и до его ближайших, но менее видных, предшественников — Гарланда, Фуллера, Ф. Норриса и др. американская литература не была чужда реализму, т. е. "правдивому изображению жизни." Но это был "мягкий", смягченный сентиментальностью полуде — реализм Хауеллса и некоторых других.

Современный американский реализм носит свои, совсем особые, черты: он дерзок, остр, беспощаден, он порожден рокотом могучих волн разгулявшейся стихии американской жизни последних десятилетий.

Анализируя причины перемен в характере американской жизни, следует указать на потоки иммигрантов, так усилившиеся с 40-х годов девятнадцатого века (ирландский голод, революции 48 года), но с необычайной силой, превзошедшей все предыдущие, сказавшиеся между 1890 - 1914 годами, т. е. как раз тогда, когда зарождается и растет "новый реализм" в литературе. Ведь в указанный промежуток времени в Соед. Штаты прихлынуло 22 миллиона иностранцев — с преобладанием итальянцев и ирландцев, евреев из России. Перепись 1920 года показала, что лишь половина населения современной Америки — "американцы", остальные — чужаки. Писатель Синклер Льюис в своем ро-

мане "Арроусмит" вышутил современную "стоцентность" американизма в этой второй половине в следующих строках:

"Ароусмит был типичный чистокровный американец, а это означает, что он представлял комбинацию из германца, француза, шотландца, ирландца, м. б. испанца с долей еврея" и т. д.

Крупнейшие города Соед. Штатов стали в значительной степени эмигрантскими. В них изменился сильно и расовый состав населения и религиозный его уклад. Протестантизм, пуританство в частности, эта главная идеологическая база для семейно — общественного уклада в недалеком прошлом, начинает терять почву под ногами, вытесняемый "конкурентами" — пришлецами позднейшего периода. Отдельные национальности вносят свои черты в духовную жизнь больших городов. Все это входит в состав той новой атмосферы, которая питает и новую американскую литературу.

Оценить точное влияние этих начал на смену в "духе" культуры — сложно, хотя оно несомненно. Возьмем несколько фактов из другой области, экономической. С окончанием, победой индустриального севера над земледельческим югом — экономическое развитие Соед. Штатов пошло, как известно, гигантскими шагами. Отсюда и начинается та новая Америка, которую мы знаем.

Колоссальное влияние экономической революции на выработку современной Америки лучше всего проверить, рассматривая две области: железнодорожное и фабричное дело. В 1860 году в стране было всего 30000 миль ж. д. путей; в 1870 эта цифра удвоилась; в 1880 — утроилась (строится пять линий, пересекающих всю страну), а к концу 19-го века, т. е. через 10-15 лет имеется почти уже 200 тысяч миль. Жел. — дор. линии сливаются в колоссальные системы линий. Переброска людей, быстрое заселение Запада, новые

его богатства - все это втягивается в процесс.

К 1900-му году, за 40 лет, Юнион вырастает с 33-х до 45 Штатов - и громадные, даром раздававшиеся земли, уже заполнены спешно растающими людьми. С одной стороны потоки денег, с другой - обостряется борьба за существование. Нет уж той вольготности, что два - три десятилетия назад.

Стихийные силы экономического развития дают себя чувствовать. В девяностых годах открываются новые источники золота. Особенно разительна быстрота и сила развития в области индустрии. Рост промышленности толкает на новую иностранную политику, а эта последняя отзывается, обратно, на росте промышленности. С. Штаты становятся величайшей страной экспорта. Нужны рынки. Избыток капитала ищет приложений за пределами страны. Начинается то, что называют империализмом. И политика Соед. Штатов с 90-х годов - политика расширения. Захват островов в Тихом океане. Втягивание в дела Латинской Америки и Дальнего Востока. .. Гавана, Филиппины, Порто - Рико и проч. - все это, почти одновременно, притягивается в 90-х годах к Соед. Штатам.

А от этого еще сильнее заработала машина производства, еще привлекательнее стала страна для иностранных рабочих рук. Горячка жизни все усиливалась.

В любой новой "Истории американской цивилизации" вы найдете яркую картину того, как бешеный рост индустрии и богатств Америки последних десятилетий сказались на политических и общественных нравах, как создавался известный государственный деятель. Правительство становится главным вдохновителем по добыванию "здоровых денег"; оно первой целью ставит — помощь индустрии, оно проводит покровительственные тарифы.

"Многие из этих новых деятелей, уверяет один историк, были бесчестны и продажны, но большинство искренно горело идеей, что национальное благополучие поконится на концентрации богатств в немногих руках."

Самая яркая, выдающаяся группа политических деятелей-дезцов (Конклин из Нью

Йорка, Маркус Ганна из Огайо и др.) достигла зенита своих успехов как раз к 1900 году, году, когда появляется первый роман Дрейзера. Около этого же времени впервые подымается в истории американской цивилизации мощная волна самокритики. И с этого времени снова, как "на заре демократии", общественное мнение начинает кричать о необходимости реформ в политико - социальной жизни.

Именно с 1900 года особенно отмечается тенденция против того материалистического угара, который охватил Соед. Штаты уже в 70-х, 80-х и 90-х годах.

С окончанием гражданской войны, по данным Индустриальной Комиссии Соед. Штатов, этот "угар" принял характер "едва ли когда бывший в истории."

Как иллюстрация — горячка изобретений. От начала республики до гражданской войны было "выбрано" 35000 патентов, а за сорок всего лет после этой войны — 640, 000! Это указывает на горячку технических усовершенствований и на устремление мысли в известном направлении. Тогда же появляются и знаменитые тресты. Возникают колоссальные богатства "капитанов от индустрии" и тех, кто играл на акциях растущих и падающих предприятий. Далекая эра миллионеров сменилась эрой миллиардеров.

Соответственно и образование и даже философская мысль (прагматизм, инструментализм) приняли новый характер. Специализация, технические навыки, ремесла, даже домашнее хозяйство — вытесняют в школе предметы "общего" образования. Изменился весь характер жизни! Серьезные историки пишут об упадке былой американской аристократии; она вытесняется новыми людьми "го-геттчерами", "ловцами момента". Экономическая революция, в процессе своего роста бомбардировала и бомбардирует "духовные" позиции — и их замена новыми продолжается и в наши дни.

Вот атмосфера, в которой родился "новый реализм", отображающий сущность процесса. Как лидеру школы новых писателей, Дрейзеру пришлось вынести наиболее сильные удары оппонентов и это сласло его пос-

ледователей. Работу, которую не довершил рано умерший Ф. Норрис — Дрейзер выполнил, пройдя годы упорного настойчивого труда. И если предшественники, и Джек Лондон, доказали, что романист может черпать материал в тущобах, в пустыне, на море, на поле битвы, Дрейзер указал, что есть еще более рискованные места: закулисья психологии новых людей.

И как в области музыки мы видим переход от sentimentalных песенок к джазу, так в литературе романтика Купера, Ирвинга, Готорна постепенно сменяется "социологическими" романами ближайших предшественников Дрейзера.

Но перейду к последнему. Как очень многие из американских писателей (даже такие, как Эдг. По), Дрейзер прошел суровую школу газетного работника. Родился он в 1871 году, в маленьком городке штата Индиана, в бедной, благочестивой, католической семье германского происхождения; окончил Университет и был репортером и редактором газет и мелких журналов в Чикаго, Питтсбурге, Ст. Лунсе, Нью Йорке.

Только в 1900 году, когда появляется его первый роман "Систер Кэрри", перед Дрейзером раскрывается новое поле деятельности, принесшее ему позже крупную славу. Однако, как всякому новатору, слава эта далась тяжким испытанием. Ведь до самого последнего времени Дрейзер казался "чужим", "варваром" для руководящих критиков и только защита со стороны "радикального" Герба - Менкена завоевала, в конце концов, мнение большинства публики.

Прямой до грубости, напоминающий здесь Горького, до конца правдивый, напоминающий здесь Толстого, "простак" Дрейзер "шокировал." Его роман "Систер Кэрри" был рекомендован издательству упомянутым выше Норрисом: книга была напечатана и разослана, прежде выпуска в продажу, лучшим критикам Америки. И что же? Она была ими так раскритикована, что издательство предпочло сложить ее в подвал. Только позже, когда вкусы несколько изменились, книга увидела свет — и "шум" вокруг имени Дрейзера начался.

В чем же было дело?

Хотя полоса "нового реализма", беспощадного, не смягчающего красок, началась несколько ранее, однако то, что сделал Дрейзер — было "из рук вон." Писатель осмелился сделать две вещи: разоблачить закулисную сторону "добродетельности" высшего общества и, что ужаснее, оправдать в лице героини "свободную любовь", нарушающую все заветы лже - пуританизма.

Это было главное!

Дрейзер — поклонник яркой, сильной индивидуальности; он любит, чтобы стихии жизни "играли" в особи человеческой — и лишь хотел бы, чтобы эта "игра" не подчиняла, не поработила личность, а подымала ее. Все это оправдывает Дрейзер и лишь скорбит, когда личность оказывается во власти стихий и гибнет бесплодно. Он любит свободную игру личности, порывающей с условностями. Таковы его героини в романе "Систер Кэрри" и "Женни Гергардт." Из глухой деревушки — в Чикаго, от семейных пуританских традиций — на сцену, к славе и в объятия одного, потом другого... Или (Женни Гергардт) из лона религиозной семьи — в объятия престарелого сенатора, на содержание, на перекур "приличиям."

Дрейзер образом этих героинь нанес удар многим сердцам, выросшим в традициях. Ими он славит новую мораль. Но тут же он дает чувствовать, что, кроме рабства условностей, рабства социального, есть еще и рабство человека перед стихией природы, стихией слепых чувств, инстинктов. И печальная судьба героинь — как бы говорит о том, что счастье личности подстерегается еще другими "темными" силами, кроме условностей общества. В этом смысле кто то назвал два первых романа Дрейзера — биологическими. Его женщины здесь, освободившись от пут общественных, остаются рабами страстей. Они ослепляются. Они становятся жертвами "любовной" стихии.

Итак, по уверению ранних критиков Дрейзера, он "набрасывает тень на все в жизни, что ценится большинством. И в книге "Гей Роб - Доб - Доб" — и в своей автобиографии он изливает свои мысли по поводу "жи-

вотного, именуемого человеком", все еще невежественного, мало сознательного и не знающего путей к свободе.

Как бы ошеломленный совершающимся вокруг, где часто за долларом, за борьбой — не видно лица, а видны лишь "рожи" (выражение Гоголя) Дрейзер пишет:

"При каждой попытке человека решительно изменить ход вещей — кто то с насмешкой подставляет ему ногу."

Этот отрывок, где не весь Дрейзер, но большая часть его (другая — в его вере в Прометея в человеке) — не должен показаться мистикой. Под властями, силами Дрейзер имеет в виду — силы природы, "стихий" царящие над человеком, в частности силы слепых инстинктов.

С первых же романов Дрейзер начинает изображать и тот тип "дельца", "хватаателя" успеха, денег, жизни, который после становится его обычным героем. В лице Друэта, одного из возлюбленных Кэрри, Дрейзер предвзрывает образ, прославившийся после имя Синклера Льюиса, образ Баббита, этого винтика в машине американской стандартизированной деловой жизни.

В лице другого героя этого первого романа — Херствуда, Дрейзер как бы вскрывает другую стихию жизни, наиболее определяющую, по его теории, жизнь человека. Это — половая стихия, половые желания, часто, как было с Херствудом, порабащающие личность.

В этом первом романе как бы намечились три главные линии, по которым пошла вся дальнейшая работа Дрейзера. Это, прежде всего, работа "исследователя" жизни. Следуя заветам великих французских романистов, Бальзака, Зола — Дрейзер, вооруженный глазом репортера, стал собирать груды фактов, как это делает ученый, чтобы отобразить действительность без прикрас. Критики с особенной силой указывали на перегрузку мелочами романов Дрейзера, на загроможденность, неуклюжесть и даже, порою "неграмотность" его языка. Здесь просто пренебрежение к форме — во имя "правды."

Лишь постепенно Дрейзер научился отбрасывать существенное, чтобы оставаться абсолютно верным этой внешней правде, делать не

только "рапорт" о жизни, но и выявлять философию ее, как она ему рисуется. А рисуется она ему в духе времени. Он весь пропитан не только Дарвином, Спенсером, Геккелем, он не только "натуралист", позитивист, рассматривающий жизнь сугубо трезво с подведением под нее "естественных" законов, нет, он еще дитя "новой Америки", к 1900 году уже выявившейся во всю свою мощь. Америки, неисчерпаемые залежи естественных богатств которой и миллионы, пришедшие для работы — создали колоссальную машину, завертывшую в себе моральные, религиозные, политические ценности. Чувство стихийности, экономической и биологической, космической — вот основная тенденция Дрейзера. А на этом фоне — личность. То порабащаемая, одурманиваемая, отравляемая ("Цвет большого города"), то являющаяся в своем опьянении могучим выразителем этих стихий.

В этом направлении и разворачивается ряд знаменитых, тяжеловесных, но подавляющих силой впечатления, романов Дрейзера "Финансист", "Титан", "Генный" — вот их названия.

Здесь, в тысячах мельчайших, фотографических деталей — разворачивается перед нами чудовищная картина индустриальной Америки и образы "капитанов индустрии" и "гениев", стихией подталкиваемых.

Чтобы написать свою "Трилогию желаний" — Дрейзер проделал громадную работу, может быть превзойдя в своей кропотливости собирания материалов и Флобера с Л. Толстым.

Его задачей было дать полную картину зарождения и развития мощи — крупнейших "баронов" американской индустрии. Его "Финансист" (первая двухтомная часть этой трилогии) явился, в частности, результатом изучения прошлого и настоящего Филадельфии, ее промышленности, в центре со знаменитой фигурой Чарльза Еркеса, одного из главарей и насадителей американских предприятий — колоссов.

Он проделал то же самое с Чикаго эпохи владычества Еркеса — и в результате явилась вторая часть трилогии — "Титан". В

центре этих романов, вышедших в 1912 и 14 годах — герой Купервуд (образец дан — Еркесом), воплощение стихийных желаний: к богатству и к власти через богатства, в частности к власти над женщинами.

По Дрейзеру, американская жизнь, после гражданской войны, постепенно стала определяться именно этими началами, этими "жаждами." И если раньше могло казаться, что только про жизнь "высшего" круга так думал Дрейзер, то его последний лучший роман, "Американская трагедия", говорит нам, что "яд" этих желаний пропитал, будто бы, всю американскую жизнь, от мелкого служащего до финансового магната. Это, по Дрейзеру, не только результат "животности" чуждого века вообще, но и данных условий, когда духовное в заgone.

И уже в "Финансисте", Дрейзер, будучи поклонником сильной, творческой личности, не удержался от философии, рисующей бессмысленность и рабство "великих", если они только выполнили велений стихий — экономических, сексуальных и т. д.

Здесь он определенно подчеркивал стихийность, бессознательность всей "устремленности", всей приобретательско-организующей, ненасытной силы героя. Нет настоящих радостей, нет осмысленности, нет великих целей — есть только великая "воля к власти через богатство".

Но воля эта — слепая, а в этом вся трагедия. В "Гении", в лице героя — художника, Дрейзер опять рисует отсутствие понимания целей, слепую, хотя тоже творческую, беспланность жизни. Эта "бездумность" разрушает все то, что талантливая, яркая личность героя (Вилта) — несет в жизнь. Она становится игрушкой случайностей, страстей — и гений становится лишь "гением" в кавычках, т. е. почти ничем.

Герои романов Дрейзера "Финансист", "Титан", "Гений" — люди, как Купервуд, вышедшие из низов и путем жестокой, звериной настойчивости — борьбы, борьбы обходящей законы человеческие и божеские, достигающие власти, богатства, удовлетворения своей безграничной похоти. Если, как герой "Гения" — они не "дельцы" в обычном смысле

слова, не железнодорожники, не финансисты, а артисты — иллюстраторы, то различия тут большой нет. "Хватают" успех, случайное животное наслаждение — и здесь. Ибо в этом "потоке стихийном, бессмысленном, одержимом лишь темными желаниями и "артист" — лишь зверь. Он великолепен в своей силе, он ослепителен в своем цинизме, когда на горе обманываемой жены холодно отвечает упреком на усталость ее взглядов, но он тот же Купервуд, тот же бизнесмен, ибо его искусство — не высокая цель, не нечто сомнительное и внутренне важное, а средство, с одной стороны, и прихоть его стихийной натуры — с другой.

"Достижения" героев Дрейзера оказываются, в конце концов, какими то бездушными призраками, какими то произведениями не человеческого гения, а слепой воли, парящей над человеческим сознанием. Герои могучи, но их мощь — мощь рабов стихийных велений, "желаний", страстей, власти к богатству, к насыщению похоти, к успеху, славе. Как наш Куприн, Дрейзер смакует жизнь, любит все яркое, сочное, жизненное, но он, одновременно, становится в глубоком раздумьи, он пессимистически философствует на тему о том, как мощь жизни, воплощающаяся в яркие индивидуальности, несется куда то "без руля и ветрил", без света совести и разума, творя, создавая, но ... неизвестно для чего, для лучшего ли — для худшего ли? Его скорбь об Америке, кстати, есть тоже скорбь о слепой мощи, об ослепляющей мощи, о стремительном движении без маяка.

Дрейзером написано много мелких рассказов, где, как в "Суде Липча", напр., он все тот же "исследователь" стихий, на этот раз — стихии бессознательного в массах, творящих "суд" в слепом опьянении животной ненавистью. Или выявляет он темные, животные инстинкты, рисуя просто, в красках и наречиях изображаемой местности, — у отдельных персонажей, одержимых жаждой "золота." В рассказе "Золотой призрак" — перед нами семья фермера, открывшая на своей земле драгоценные залежи. От рассказа становится жутко, ибо в каждом из нас есть частица той слепой страсти, которая охваты

вает семейство Квидера, животное - низменно "завозившееся" вокруг призрака золота.

Дрейзером написано много статей, печалующихся о косности и бездушности американской культуры. Вот характерные выдержки из одной из них:

"Они не думают!.. Они не могут думать, ибо они связаны жизненными оковами "условностей", с одной стороны, и атмосферой спешной деловой жизни — с другой. Они "христиане" но они ... не люди, в высшем, творческом смысле."

Так говорит Дрейзер об университетской молодежи в Америке.

Когда то наши индивидуалисты возмущались тем, что человек становится лишь "пальцем от ноги", при современном машинизированном строе, теперь мы то же слышим в Америке. У нас это было в 70-х - 80-х годах, здесь в 90-х - 900-х.

Говоря о женских колледжах, Дрейзер в ужасе. Он берет один из них, очень известный, и указывает, что никто из окончивших "не вступил на путь творческого артистического труда". Тысячи штампованных! Они не личности! Они не свободны! — восклицает Дрейзер, у которого одна вера: творческая, высоко - сознательная личность, могущая противостоять стихии. Здесь уже вылетаются ницшеанские мотивы, не чуждые Дрейзеру.

Последнее из крупных и заслуживающих внимания, произведений Теодора Дрейзера — напумевшая "Американская трагедия." Этот двухтомный роман появился в печати в 1925 году и с тех пор выдержал уже несколько изданий. Любопытно, что даже суровый критик Дрейзера, проф. Стюарт Шерман, не давая пощадки автору романа и на этот раз за неуклюжий слог и газетную, репортерскую склонность к мелочам — признает за "Американской трагедией" серьезные заслуги. Если раньше, по Шерману, мы имели дело с "варварским натурализмом", то теперь перед нами "трагический реализм." Впервые, уверяет критик, то искусство, которое поднимается до беспристрастности, объективности и за массой как бы разрозненных фактов дает их внутренний глубокий, общий им, смысл. Из под этих фактов выступает та "высшая"

правда о жизни, которая, по Достоевскому, и составляет отличие реализма от натурализма. Натурализм одержим задачей дать побольше внешних точных фактов "как в жизни", реализм, будучи правдив внешне, не удовлетворяется этим, а стремится выявить основное, что за этими фактами кроется.

Критик Шерман не говорит точно, что увидал он в "Американской трагедии," не говорит этого вполне и другой, очень популярный, ценитель этого произведения, знаменитый адвокат Соед. Штатов, Кларенс Дарроу. Тот самый Дарроу, который "защищал" Дарвина.

Но оба, и тот и другой, не могут отделаться от большого, сильного впечатления. Дарроу говорит о бессонной ночи, о том, что он весь как бы в путах этого романа, вовлекшего его в чужую трагедию.

"Измученное лицо беспомощного мальчика, пристегнутого ремнями к железному креслу в Синг - Синге, и эта спокойная бледность мертвой девушки, одиноко плавающей на темной поверхности озера, окруженного склонившимися деревьями, не дают мне покоя".

В чем же, однако, смысл этой трагедии? Случай казни и смерти от чужой руки — такое обычное явление! Почему же так потрясает они вновь и вновь под пером писателя?

Не только потому, что мы "сопереживаем" с героями, как бы проникаем в их душу (это одна из заслуг литературы), но и потому еще, что за жизнью Ивана и Марии, а в данном случае, юноши Клайда и Роберты, мы прозреваем философию жизни, или того куска ее, который набран писателем.

Надо заметить, что самым своим любимым героем в мировой литературе Дрейзер считает Раскольникова из "Преступления и Наказания" Достоевского.

Там, у Достоевского, величайшее дерзание человека во имя права личности "жить по своей воле." Там убийство, вытекающее из этого права, доведенного до конца, когда "все позволено". Когда нет никаких сдержек.

Так Достоевский подал нам Раскольникова, поставив его в конце концов, лицом к "правдой" более широкой, чем отдельное, ни-

чем не сдешиваемое хотение. Достоевский, как мы знаем, был прежде всего религиозный мыслитель, и трагедия Раскольникова в крахе абсолютно независимого "я" перед религиозной совестью.

Дрейзер рисует нам тоже крах этой личности, но так как его философия безрелигиозна, материалистична, то и крах этот подан иначе. И его кара не за преступление, а за слабость.

Но рассмотрим бегло содержание романа, являющегося до мелочей, до дверных ручек отеля, до фасона перчаток — энциклопедией обывательской жизни и жизни разного рода служащего люда.

Клайд Гриффите — уроженец Канзаса. Его отец — невежественный, но ревностный уличный проповедник.

Не напрасно Дрейзер выводит своего героя из этой среды. Все бессилье чисто формально — религиозного выступления здесь перед нами. Все дальнейшее в судьбе Клайда — выбрасывает за борт этот жалкий багаж уличной псевдо-религиозности. Высмеиваемый сверстниками, презрительно не замечаемый девишками (а это так мучительно в юные годы!), Клайд бросает конуры того дома, где ютилась эта полунинная, полу-фанатическая семья.

Клайд бежит туда, где манит вольный "джаз", где шумно, многолюдно, пестро, где можно дать ход греховным вождениям, желаниям земным, сытым, сладостным.

И уже здесь мы чувствуем, что первые ростки тайных сил (мы знаем, что у Дрейзера они — плоть и обаяние власти денег) как магнит влекут юношу, у которого ни идейных, ни моральных крепких устоев, среднего американского юношу, стремящегося "жить", не мудрствуя лукаво.

И колесо, американское беличье колесо этой жизни начинает вертеться.

Клайд становится "мальчиком" в отеле. Ему еще нет двадцати. Его душа — чистая доска, на которой жизнь напишет то, что пожелает, ибо ни воспитания, ни здоровых советов Клайд не получил, "умных" книжек не читал. А к тому же он привлекателен внешне, чувствителен и чувствен (религиозный ис-

теризм родителей отразился в этой чувственности), впечатлителен и слабоволен.

Словом — он таков, какими судьба делает большинство.

Он — не "герой".

Тем то и ценен тот опыт жизни, который так спокойно, убедительно "бесстрастно" проделывает перед нами Дрейзер.

Новая жизнь захватывает Клайда. Мелькают красивые дамы, ароматно пахнут дорогие платья. Он — свободен, он — пылок. Зрелость обнаруживает себя и, очертя голову, никем не руководимый, он дает ход своим чувствам и страстям. Это подогревается пикантными разговорами среди "боев" отеля, любимейшей темой бесед среди которых являются — половые вопросы (вернее — дела) и "чаевые" деньги. Плоть и деньги. И это кормит и растит зверька в Клайде, ибо ничего другого взамен ниоткуда не приходит. Податливые девицы и "чаевые". Чаевые и девицы. В мире отельных служащих, их сестер, продавщиц из магазинов, Дрейзер изучил этот мир прекрасно, и развертывает перед нами всю его шумную несложность: флирты, чаевые, джабчики, попойки, новенькие ботинки, ленточки, шляпки. Все дешево, все легко дается — за счет отсутствия духовных интересов.

И чем дальше, тем сильнее всасывается Клайд в эту атмосферу. Все больше надо денег, чтобы лучше одеваться, чтобы иметь девицу получше. Товарищи соперничают — отставать нельзя — гони монету! Вертись и "наслаждайся". А тут вдруг на голову сваливается необходимость помогать матери и сестре, брошенной с ребенком на руках. Мягкий Клайд призыв, чтобы девицы тянули с него на шляпки и ленты. Ему трудно было бороться с этим, т. к. чувственность была сильнее, а обновки делали девицу еще более желанной. Значит и так еле справлялся, а тут ...

Но страшное колесо жизни помогает беспринципному и безвольному юноше. Во время одного из разгульных пикников, компания отельных "мальчиков", сбежав не опоздать на службу (работает механика жизни) — давит автомобилем маленькую девочку. И эта смерть, эта "пылинка", мелькнувшая в вихре

жизни, освобождает Клайда от обязанностей к семье.

Боясь ответственности, седоки разбегаются. Бежит и Клайд. Он прячется в товарный поезд. Начинаются его скитания, полные всяких лишений, но через два года мы видим его в Чикаго. Волнами жизни, через чужие жизни, игрушка в руках случая, в руках жизненной машины — он плывет по новому течению (внешне), оставаясь (по существу) все той же игрушкой обстоятельств и своих скрытых начал: плоти и жажды жить побогаче. Ведь Клайд таков, как девяносто процентов! Не хуже — не лучше! Но одним “везет” — другим нет! Одни хитрее, сильнее, ловчее — другие, как Клайд — попадают в просак!

Итак—Клайд попадает в новую обстановку — к богатому фабриканту дядюшке. Здесь он “правится” за свою благовоспитанность — и его принимают в дом и дают в конце концов легкую работу “формана” на фабрике. Работающие — девушки. Таким образом, скрытые аппетиты Клайда снова наталкиваются на дразнящую пищу. Деньги, девушки... Чувствуя себя одиноким (его богатые родственники устроили его — и тем закончили свое попечение... “Душа” осталась без внимания) — мягкий Клайд, гонимый машинной жизнью и скрытой силой своих страстей, сходится с наиболее симпатичной и привлекательной из девушек — Робертой. Но как то раз богатые родственники зовут его на обед. Здесь другая встреча, с Сондрой Финчли, девушкой из “общества”.

Зацепился один зубец и потащил, теперь зацепился новый. Сондра привлекательна, Сондра — “другой”, чарующий мир. И вянут чувства к Роберте, милая, ласкающая, согревавшая — она слишком проста и ordinarily перед тем, что блещет, что раскрывает горизонты.

Какая знакомая история, но как убедительно сильно, говоря о жестокой игре жизни с людьми без настоящей “сердцевинки” (а таким и был милый, но слабый Клайд) — дана она Дрейзером!

А колесо вертится и вертится. Клайд попадает в “общество”. Там так все заманчиво,

но это требует денег и денег: хорошо одеваться от запонки до смокинга! Паутина вокруг Клайда сплетается. И вдруг — новый удар, особенно сильный для людей наемного тяжелого труда: Роберта может стать матерью! И опять новые многим знакомые, картины борьбы с жизнью. Еще почти дети, Клайд и Роберта в отчаянии. “Из последнего”, без советов “друзей”, они тратятся на докторов и лекарства, чтобы избавиться от слишком раннего потомства, грозящего ценами экономической тяготы. Так, в тревоге, в полной, мучительной растерянности, бегут недели. А между тем мягкий, поддающийся чарам женственности, красоте — Клайд втягивается все больше в отношения с Сондрой. И не только “любовь”, с подоплекой “желаний” и с идеализацией женского образа вместе, но и тайные мечты о солидном положении, о богатстве — все сильнее увлекают Клайда. Деньги, деньги, сколь немногие умеют противостоять вашей силе! А девяносто процентов? Разве не Клайды?

Но идем дальше. Клайд случайно наталкивается в газетах на сообщение о несчастном случае: перевернулась лодка, катавшиеся в ней утонули, и только мужская шляпа, плававшая по воде, говорила о происшедшей драме. Этот эпизод дает толчок давно, смутно, в тайниках сознания зрелой мысли — избавиться от Роберты! И начинается долгий, мучительный процесс борьбы слабого, никем не взращенного, может быть лишь далекой лаской матери, “человека” в Клайде и того зверька, у которого каждый нерв и мускул был тренирован на то, чтобы “жить” в сладостях тела, в богатстве, какою угодно ценой. Но только это “все позволено” диктуется не принципом, как у Раскольникова, а стихией, а машинной жизни, а тем, что она приучила его в себя впитывать. Здесь дрессировка, а не жизнь. И дрессированный, американский зверек Клайд, со слабыми ростками “совести” — уступает тому, что властнее над ним, в чем он вырос.

Узнав, что описанный выше эпизод был видом убийства, Клайд, обуреваемый долларовой-плотскими началами в нем, проделывает убийство Роберты так, как подсказал этот

эпизод. Жгуче мучительны моменты борьбы Роберты, их ссора в лодке — и страшен ее последний “понявший” взгляд.

Вокруг “дела” завязывается следствие, на котором люди делают себе карьеру, — и скоро нехитроумный Клайд, жертва своих американских (так думает сам Дрейзер, но мы добавим, и общечеловеческих) страстей — изловлен.

Далее сложный и тонкий рисунок бесед Клайда со всеми, кто допущен к нему в тюрьме. Целью рассказа здесь является, по видимому, показать — сколь, в сущности, обычен, не закоренело преступен, нормален Клайд — и сколь туши и лицемерны те, кто обычно, не видят, что часто виноваты не отдельные Клайды, а вся та атмосфера, весь тот житейский уклад, которые эту личность формируют и толкают.

Раскольников бросил вызов совести и сорвался. Клайд брошен в колесо жизни “дипломом” наших исковерканных, социальных отношений и соответствующих нравов. Здесь личность лишь слабо, слабо борется, катясь по течению — и становится жертвой слепых, темных сил.

И Достоевский и Дрейзер подошли к личности двух юншей с различными мировоззрениями и честно развили его до конца. Дрейзер американский писатель XX-го столетия и в его концепции много от материализма и “машинизма” эпохи.

Теперь, полагаю, ясен дух его реализма, вскрывающий то, что за мелкими фактами, — “Американская трагедия” — лучшая вещь Дрейзера, и ею я закончу краткий обзор его литературной деятельности, упомянув лишь о вышедшем недавно сборнике рассказов “Цепи”. Ничего особенно яркого и ценного он в себе не заключает, если не считать двух — трех вещей. Таков, напр., рассказ “Св. Ко-

лумбия” и “Река Гудзон.” Здесь дано, во всех деталях, захватывающее описание раб-от по прорытию подводного туннеля. Атмосфера, в которой протекают дни людей — кро-тов, вооруженных инженерской техникой, передается читателю. Вы чувствуете эту мок-рую тьму, сжатую стенами туннеля, вы ощущаете тяжкое давление реки, навалившейся на вас сверху.

И снова за массой мелочей, как бы фотографирующих действительность, вы прозре-ваете какое то целое. На этот раз оно — “мощь стихии” с великим трудом поддающейся вмешательству человека.

Закончу свой очерк цитатой из одного из лучших знатоков Дрейзера. “Он — трагиче-ский оптимист. Он мучится и волнуется глу-бокой печалью об ужасающих противоречиях и хитросплетениях жизни, но всегда, всегда он полон надежды, что когданибудь — груз этой жизни будет облегчен и ее страдания — излечены.”

Добавлю, — “врачем” Дрейзер считает “самосознание” творческой личности... Нау-ку и искусство — лекарствами. В них он ве-рит. За эту веру, кстати сказать, ныне на-зывают Дрейзера “натуралистом - романти-ком” Это не вполне точно. Общего с романти-ками у Дрейзера только одно: он не удо-влетворен. Но исходы из этой неудовлетворен-ности могут быть различны. Вера в сознате-льную, творческую личность вовсе не раз-рывает с научным подходом к жизни, со Сне-исером и Геккелем (беря этих “старичков” хотя бы) и не нуждается в привлечении на-помощь идей об “ином” мире или о том, что было где то в тридесятм царстве средневе-ковья. Дрейзер суров, беспощаден в изобра-жении “стихийных” сил, но в нем сильна ве-ра в человека.

НИК. ЗЛАТОГОРОВ.

В ХУДОЛЕИ.

КОНФЕДЕРАЦИЯ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

I.

В современном обществе мы находим большое количество различных организаций. Каждый из нас является членом (гражданином) какого-нибудь государства. Многие из нас состоят членами профессиональных союзов, потребительских кооперативов, спортивных обществ и других организаций.

Все эти организации могут быть разделены на две основные группы: на добровольные организации и на принудительные. Добровольная организация считает вас своим членом только с того времени, когда вы заявили о своем вступлении и вам ответили согласием принять вас. В момент же вашего заявления о выходе, или постановления остальных членов о вашем исключении, вы перестаете оставаться членом.

Принудительная организация не спрашивает вас о вашем желании быть ее членом и не принимает вашего заявления о выходе. Если она считает вас своим членом, то она не спрашивает вас о согласии. Вы родились в пределах определенного государства и это государство считает вас своим подданным. Вы не можете подать заявления о выходе из государства, ибо у вас не спрашивают согласия. В лучшем случае вы можете доказать, что вы должны, в силу каких либо причин, считаться подданным другого государства. Тогда из уважения к данному государству, а вовсе не к вашему мнению, вас освободят от подданства данного государства, будут считать подданным другого государства.

Государство является принудительной организацией и не вступает в договоры со своим гражданами по вопросу о членстве. Государственная власть устанавливает налоги и граждане обязаны их платить. С неплательщиков взыскивают силой. Государство вводит всеобщую воинскую повинность и граждан обязан идти на военную службу. Уклоняющихся от военной службы подвергают наказанию. Государство не спрашивает согласия, а приказывает и наказывает на-

рушающих его повеления. Можно уехать за границу, но и тогда государство будет считать вас преступным, если вы не исполняли причитающихся с вас повинностей.

Другое дело добровольная организация — профессиональный союз, спортивное общество или кооператив. В эти организации вы можете вступить по своему желанию и также по желанию выйти. Добровольная организация, предоставляя вам известные права, возлагает в то же время и обязанности: вы обязаны платить взносы, исполнять правила, можете быть, даже нести повинности. Однако, основное отличие добровольной организации от государства заключается в том, что в случае вашего несогласия вы можете выйти из нее. Для этого вам достаточно заявить вашу волю и никто не будет удерживать силой.

Следовательно, добровольная организация построена на договоре, а государство — на насилии. Право свободного выхода и действительная возможность выйти из организации — единственная гарантия ее добровольности. Там, где нет признанного права и действительной возможности выхода — там нет добровольности и фактически организация является принудительной. Там, где за каждым признается право выхода и представлена фактическая возможность выйти — там не лицо добровольная организация.

Профессиональный союз является добровольной организацией, потому что из него каждый может выйти. Кооператив является добровольной организацией, потому что из него можно выйти и при выходе получить обратно свой пай. Сельская община в России до столыпинской реформы была типичной принудительной организацией, так как крестьянин не мог из нее выделиться. Он мог уйти из общины, но та земля, на которой он работал, оставалась за общиной. После столыпинской реформы община осталась принудительной административной единицей, но в хозяйственном отношении она стала более или менее добровольной, так как

каждый крестьянин получил право выйти из общины с наделом земли. Из сельскохозяйственного кооператива с общей обработкой земли, каждый член может выйти и получить пай и причитающуюся ему долю земли. И может снова вступить, внося пай и слив свой участок с землей, принадлежащей кооперативу (кстати сказать, таких кооперативов сравнительно немного). А ну - ка, попробуйте выделиться из государства с наделом земли? — Такие попытки называются отторжением территории и жестоко караются всяким государством.

Следовательно, в организациях, не имеющих общего характера (профессиональный союз, политическая партия), добровольность обеспечивается правом выхода, а в организациях, имеющих общее хозяйство (кооператив) добровольность обеспечивается выделом доли имущества при выходе члена из организации.

II.

Государство обладает верховной властью над своими гражданами, но не признает над собою высшей власти. Поэтому, в международной жизни взаимоотношения между государствами носят невластительский характер и регулируются договорами. Государства противостоят друг другу как равные и одинаково независимые стороны, вступающие между собою в договорные отношения.

Существует так называемый Всемирный почтовый союз, т.е. союз государств в целях регулирования почтовой связи между ними. Этот союз не располагает никакою принудительной властью над своими членами и тем не менее международная почта работает исправно. Такой же характер носят договоры между группами государств по вопросу об урегулировании железнодорожного движения между ними. Более узкий характер носят торговые договоры. Узко специальный характер, но более прочный имеют военные союзы государств. Вспомните Тройственный Союз (Германия, Австрия, Турция) и Тройственное Соглашение (Англия, Франция, Россия). Это были две враждебные друг другу группировки государств, имевших целью подготовку войны.

Более крупным союзом государств является так называемая Лига Наций. Она представляет собою добровольное объединение государств для различных целей. Решения принимаются единогласно: если единогласия нет — решение не принимается. Кроме того, недовольная сторона может выйти из Лиги.

Все вышеперечисленные союзы государств преследуют более или менее узкие цели и не имеют никакого органа, который следил бы за выполнением решений, а если имеют такой орган (например, Гаагский Трибунал) — то он действует непостоянно, а только по мере надобности. Юридическая наука называет такие организации **аморфными**.

Иногда государства заключают между собою более прочные союзы и создают специальные органы, ведающие выполнением возложенных на них задач. Таким союзом является СССР. Союз ССР состоит из самостоятельных республик — Российской, Украинской, Белорусской, Узбекской, Туркменской, и Закавказской Федерации. Каждая из этих республик имеет свое правительство. Каждая из них (по конституции) имеет право выйти из союза. Участие в союзе СССР для этих республик является (по конституции) добровольным. Эти добровольно объединившиеся республики создали союзное правительство, которому передали военное дело, финансы, внешнюю торговлю. Правительством СССР издаются только те законы, которые не встречают возражений со стороны составляющих ее республик.

Другой пример союза государств представляет Британская империя. Она состоит из Англии и ее доминионов, из которых наиболее самостоятельными в настоящее время являются Австралия, Канада и Южно-Африканский союз. Когда Англия объявила войну Германии, вышеперечисленные доминионы самостоятельно решили вопрос о своем участии в Мировой войне, ибо для них обязательны только те решения Британского правительства, которые подтверждаются своим решением. Затем, в Лиге Наций, некоторые доминионы Британской империи имеют свое представительство, играя вполне самостоя-

тельную роль в международной жизни. Следовательно, Британская Империя представляет собою не единое государство, а союз государств, и, притом, союз вполне добровольный. Доминионы имеют право выйти из этого союза и поэтому Британское правительство по отношению к ним является не высшей властью, а комитетом, которому поручено выполнение некоторых общих функций от имени всех, объединяемых им государств.

Третий пример — Швеция и Норвегия до 1904 года. До указанного года эти два государства представляли союз, возникший, так сказать, на почве совместного пользования одним королем. Король умер в 1904 г., союз этих государств был ликвидирован и Норвегия стала независимым государством. В будущем, вероятно, союз государств составят республики латинской Америки, если им не помешают С.А. Соединенные Штаты.

Интересна в этом отношении история Соедин. Штатов Америки. Несколько сот лет тому назад на корабле Майский Цветок из Англии уезжали в Америку эмигранты. Они эмигрировали с родины из-за религиозных преследований, унося с собой в Америку жгучую ненависть к угнетению. Здесь, на корабле, они заключили между собою договор, определяющий условия вступления в вольную общину и условия объединения общины между собою. Поселения первых колонистов, последовавших за „отцами пилигримами“ в Америку, носили добровольный характер. Отношения между общинами были, примерно, таковы, как отношения английских доминионов к Британскому Правительству: законы, издаваемые союзным правительством, вступали в силу только после утверждения их общиной и не были законами, если община их отвергала. Годы шли, союзы общин превратились в небольшие государства — штаты, союз которых и представляли собою Соединенные Штаты.

В шестидесятых годах прошлого столетия возник вопрос о том, есть ли в Соединенных Штатах высшая власть, т.е. являются ли они государством или представляют собою добровольный союз государств. Этот вопрос

вызвал междоусобную войну. Правительство Соединенных Штатов издало закон об отмене рабства. Многие штаты отказались подтвердить этот закон и провести его в жизнь, ссылаясь на то, что Соединенные Штаты представляют собою добровольный союз государств, из которых каждое имеет право отменять постановления правительства Соединенных Штатов в случае несогласия с ними. Тогда началась война между штатами признавшими закон об отмене рабства и штатами рабовладельческими, которая кончилась победой первых. Постановления Правительства С.Ш. были признаны обязательными для всех штатов; последние лишились права отмены постановлений центрального правительства и права выхода из союза и, таким образом, С.Ш. из добровольного союза государств превратились в одно большое государство.

Итак, государства могут объединяться в союзы и создавать органы, необходимые для выполнения союзной воли. Так как ни одно государство не может признать над собою никакой высшей власти (иначе оно перестало бы быть государством), то деятельность союзного органа сводится к выполнению поручений государств, входящих в союз, причем за каждым членом союза (государством) остается право выхода из союза, а также право отмены или утверждения постановлений союза (т.е. собрания представителей от государств, входящих в союз). Такой добровольный союз юридическая наука называет **конфедерацией**.

Конфедерацией, т.е. добровольным союзом, в котором нет верховной власти над составляющими его членами, является в настоящее время Британская империя, СССР, Сев. Американские Соединенные Штаты тоже были конфедерацией до 60-х г. прошлого века. А что представляют собою теперь Соединенные Штаты? — Ясно, что не конфедерацию государств, а одно государство особого типа.

III.

Всякое государство состоит из отдельных частей и тип его определяется отношениями частей и целого между собою. Ни одна часть государства не имеет права из него выде-

литься. Верховная власть принадлежит правительству и ни одна часть не имеет права отменять постановления центра. Но в Соединенных Штатах права центра и частей строго разграничены. Центральное правительство ведает внешней политикой, финансами и т.д. и имеет право издавать в подведомственной ему области законы, которые обязательны для всех его частей. Каждая часть государства имеет свою область ведения (просвещение, суд, местное хозяйство и т.д.), причем в подведомственных ей вопросах может принимать самостоятельные решения, которые не могут быть отменены центральным правительством, потому что не подведомственны ему. В таком государстве части пользуются большой самостоятельностью или автономией, если говорить научным языком. Государство, построенное на широкой автономии частей, юридическая наука называет федерацией, федеративным государством или союзным государством. С.А. Соед. Штаты, после междоусобной войны 60-х годов стали федерацией, из союза самостоятельных государств превратились в союзное государство, т.е. государство допускающее широкую автономию частей.

Республики латинской Америки построены по образцу Соединенных Штатов и также являются федерациями. Германия представляет собою федеративное государство. Швейцария до Наполеоновских войн представляла собою конфедерацию, а после них стала федерацией. РСФСР также является федеративным государством.

От федеративного государства отличают государство централистическое. В таком государстве нет разграничения функций между местной и центральной властью и во всех случаях решающее слово остается за центральной властью. Местного самоуправления здесь почти нет: все руководство всей жизнью страны сосредоточено в центре и местные органы играют ничтожную роль. Пример централистического государства представляет Франция, Испания, царская Россия.

Между федеративным государством и централистическим нет такой резкой и отчетли-

вой грани, как между федерацией и конфедерацией. В самом централизованном государстве есть какой-то наметок на местную жизнь, какой-то наметок на автономию частей. Путем постепенного расширения автономии частей централистическое государство может превратиться в федеративное. Между слабым наметком на автономию и широкой автономией частей есть целый ряд промежуточных ступеней. Отличить централистическое государство от федерации можно только путем сравнения с ярко-выраженными федерациями: если в практической жизни произошло разделение вопросов, подведомственных местным и центральным органам власти и местная жизнь достаточно развита — налицо имеется федеративное государство. При отсутствии местной жизни на основе разделения функций между местными и центральными органами власти — централистическое государство.

Также федерация может постепенно перейти в конфедерацию. Мы уже говорили, что Швейцария и Соединенные Штаты были раньше конфедерациями, но стали федерациями после того, как их составные части потеряли право отмены решений центра и право выхода. Британская империя была федерацией, но со времени Мировой войны связи между частями стали ослабевать и они превратились в самостоятельные государства, имеющие право отменять постановления Британского правительства и право выхода из Британской империи.

Таким образом в международной политической жизни мы видим четыре типа организаций: 1) аморфный, когда объединение государств имеет узкий по целям и временный характер и, кроме того, не имеет постоянно действующих органов; 2) конфедерацию, когда объединение государств имеет постоянные и широкие задачи, причем для выполнения последних создаются смешанные органы, но каждому члену конфедерации представляется право отмены решений конфедерации и право выхода из нее; 3) федерацию, когда права местных и центральных органов строго разграничены и первым представлена широкая автономия, но без права

отмены решений центра и без права выхода; 4) централистическое государство, в котором нет достаточно широкой автономии частей.

IV.

Общество взаимопомощи, профессиональный союз, любой кооператив — представляют собою добровольные организации. Всякая добровольная организация имеет сходство с конфедерацией в том смысле, что каждый ее член имеет право выхода. Государство, входящее в состав конфедерации имеет право выйти из ее состава, и каждый член любой добровольной организации имеет право выйти из нее. Право выхода из организации есть основная гарантия ее добровольности, ее безвластности. Следовательно, всякая добровольная организация, по природе своей, является вполне безвластной внутри себя, так как ни один член ее не имеет власти над другими: члены добровольной организации также относятся друг к другу, как государства в конфедерации — каждый сам для себя высшая власть.

Нам могут возразить на это указанием что в добровольной организации есть руководители, пользующиеся большим влиянием, чем другие члены и что, следовательно элементы власти в ней имеются налицо. Однако, такое указание неверно: влияние на людей и власть над людьми — совершенно различные понятия. Кропоткин пользовался большим влиянием на людей, но никогда не обладал властью над ними. Он влиял, но не властвовал. Кропоткин влиял на нас потому, что мы его ценили. Цена его ум, знания и опыт, мы прислушивались к его словам, к его советам. В этом, т.е. в нашем к нему отношении, весь секрет его влияния. Если бы мы его не ценили — не было его влияния на нас, мы бы не прислушивались к его мнениям, не считались бы с его советами. Следовательно, влияние человека на других людей держится на добровольном признании со стороны этих людей.

Не то представляет собою власть. Власть держится угрозами, а не признанием, и добивается признания, „приручая“ к себе людей „кнутом“ и „конфетами“. Разве по-

литический комиссар, разгоняя противоправительственный митинг, дает вам советы? — Нет, он приказывает: „разойдитесь, граждане, иначе буду стрелять!“ Это не совет, а приказание, за которым скрывается угроза. И вы исполняете приказание не потому что цените и уважаете комиссара (вы его самого ни в грош не ставите), а потому что подчиняетесь насилью, отступаете перед угрозой.

Советы другого человека вы исполняете в том случае, если вы согласны с ним, и не исполняете, если не согласны. Приказания власти вы исполняете под угрозой штрафа, ареста, казни. В добровольной организации (профессиональном союзе, кооперативе или обществе взаимопомощи) вам никто ничего не приказывает. Постановление общего собрания членов организации — не приказание, а выявление воли организации. Тот, кто не согласен с волей организации вовсе не обязан подчиняться ей — он выходит из организации и на этом прекращаются все его обязанности по отношению к организации. Постановление исполнительного органа организации есть напоминание об общей воле организации, но не приказание. Разница между приказанием и советом заключается в том, что исполнение приказа обязательно и обеспечивается угрозой, а исполнение совета необязательно и добровольность выполнения его обеспечивается правом выхода. Следовательно, в добровольной организации нет и не может быть власти, как бы она ни была построена.

Выборы в добровольной организации служат способом разделения труда. Выборный здесь не представитель власти, а только уполномоченный на выполнение определенных поручений организации. Есть целый ряд таких дел, которые не могут быть выполнены сразу всеми членами организации и поэтому их приходится поручать одному или нескольким из них. Так, например, нельзя всем членам организации одновременно быть казначеями, потому что в таком случае средства не будут сосредоточены в одном месте (каждый будет хранить их у себя) и поэтому, в нужный момент не окажет-

ся необходимой суммы. Нужно платить, например, за помещение клуба, а деньги не собраны: владелец дома, в котором помещается клуб рабочего союза должен с каждого члена организации, открывшей клуб, требовать уплаты, но никто из них не обязан платить за других. Для того, чтобы не было такого глупого положения, члены организации и поручают кому-нибудь одному быть казначеем и, собирая членские взносы, производить расходы, согласно постановления организации.

Также обстоит дело и со многими другими обязанностями. Рабочий союз г. Нью-Йорка должен вести переписку с союзом г. Буэнос-Айреса. Не могут все члены одного союза одновременно писать всем членам другого союза. Это технически невыполнимо, да и бесполезно. Поэтому, каждый союз имеет определенный адрес, по которому ему доставляются письма, и возлагает на одного из своих членов обязанность получать эти письма, докладывать о них организации и отвечать.

Также для того, чтобы снять помещение для клуба или купить типографию для газеты нет надобности всем членам ходить по городу или по магазинам. В таких случаях поручают сделать это дело одному или нескольким членам организации. Точно также и на большом собрании, где обсуждаются какие-нибудь вопросы, все присутствующие не могут одновременно руководить прениями: они или будут мешать друг другу и тогда получится тот беспорядок, который наши враги называют „анархией“, или же присутствующие молчаливо признают руководство какого-нибудь самозванного председателя. Для того, чтобы этого не было, выбирают председателя собрания, которому и поручают руководить прениями. Выборы председателя собрания — не назначение власти, а разделение труда.

Вопрос о председателе настолько ясен и прост, что даже на совещаниях представителей отдельных государств (например, — в Лиге Наций), для руководства прениями выбирается председатель и секретарь.

У.

Организация уюдождается организму благодаря разумному разделению труда между органами. Органы в организации бывают распорядительные, исполнительные и контрольные.

Распорядительные органы имеют своим назначением согласование воли членов организации. Распорядительным органом является общее собрание членов рабочего союза или кооператива. Распорядительным органом является также, например, общеколониальный съезд у нас — русско-американцев, или конгресс Унитарной Конфедерации Труда во Франции.

Исполнительным органом является исполнительный комитет или бюро рабочего союза, также административный совет или правление кооператива, редакционная коллегия, секретариат союза анархических групп. Назначение исполнительных органов — выполнение постановлений распорядительных органов.

Контрольным органом является ревизионная комиссия кооператива и контрольная комиссия рабочего союза. В хозяйственных организациях (например, в кооперативах) контрольные органы бывают обязательны, а в нехозяйственных (например — в союзах анархических групп) не всегда. Назначение контрольных органов — наблюдение за деятельностью исполнительных органов, за выполнением ими постановлений распорядительных органов. В случае нарушения исполнительный комитет постановлений общего собрания рабочего союза, контрольная комиссия может созвать общее собрание и на нем поставить вопрос о перевыборах исполнительный комиссии.

Обычно, права и обязанности членов организации, а также задачи ее органов, определяются особым договором еще при учреждении организации. Такой договор называется организационным договором, условиями объединения или уставом. Устав есть во всех без исключения организациях, но только не всегда он бывает писанным. Многие анархические группы имеют устный договор, вместо писанного (боялся писанной бумажки!), однако, это не меняет существа

дела. Британская империя тоже не имеет писанной конституции (ее конституция до сих пор остается устной), однако она остается государством (вернее — союзом государств). Дело не в том, записан устав на бумагу или нет, а в том, какие правила в него включены. Для нас важно, чтобы уставом обеспечено было ПРАВО ВЫХОДА для несогласных и еще некоторые права, о которых речь впереди.

Большие организации, у которых распорядительным органом служит не общее собрание, а съезд представителей (или собрания уполномоченных), бывают построены по одному из двух принципов — по централистическому или по конфедеративному. Если части организации так подчинены целому, как провинции в государстве, то мы имеем налицо централистическую организацию. Если части организации относятся к целому так, как самостоятельные государства в союзе государств, — то мы имеем налицо конфедерацию.

Следовательно, кругом прав и обязанностей распорядительного органа определяется построение организации. Если съезд представителей от частей организации имеет право принимать постановления, которые не могут быть отменены собраниями членов на местах в отделах или группах, то организация должна быть признана централистической. Если же постановления съезда вступают в силу только по утверждении их на местах общими собраниями членов местных отделов или групп — то такая организация должна быть признана конфедерацией.

Съезд профессиональных организаций Германии построен по централистическому типу: постановления профессионального съезда обязательны для всех примыкающих к нему профессиональных союзов. Несогласные с постановлением съезда должны или подчиниться постановлению во имя солидарности, или выйти из союза.

Французская Унитарная Конфедерация Труда построена на совершенно иных началах. Постановления съезда обсуждаются на собраниях синдикатов и последние имеют

право, как утвердить постановление съезда, так и отменить его.

Таким образом, добровольные организации разделяются на централистические и конфедеративные не по признанию большей или меньшей широты полномочий их исполнительных органов, а по широте полномочий их распорядительных органов. Если общим собраниям членов принадлежит право отмены постановлений съезда — организация должна быть признана конфедеративной, а если права отмены местные общие собрания не имеют — организация должна быть признана централистической.

Итак, правом выхода из организации определяется ее добровольный характер, а правом отмены решений съезда волею местных собраний членов — ее конфедеративное построение.

Пара слов о названиях. В разговорной речи, обычно, не различают федерацию от конфедерации и конфедерацию называют федерацией и наоборот. Это — ошибка. Юридическая наука их строго разграничивает и такое же разграничение нужно проводить и в нашем словоупотреблении. По существу федерация — это централистическая организация, допускающая значительную автономию частей. Конфедерация — это свободный союз независимых единиц. Так его и называть надо конфедерацией, а не федерацией.

VI.

Как анархисты представляют себе будущее общество? — В форме конфедерации. Одни анархисты — в форме конфедерации производительных кооперативов (Бакунин, Корнелиссен и все синдикалисты), другие — в форме конфедерации потребительских кооперативов с собственным производством (Ж. Грав, Лэн Черный), третьи — в форме конфедерации общин (Карелин, Годвин). Следовательно, конфедерация — основной принцип анархической организации. Анархизм — не только ко добровольную организацию, но и, кроме того, за конфедеративную. За какую организацию анархизм высказывается в настоящее время? — Также за конфедеративную. Анархистические группы об-

единяются между собою на конфедеративных началах. И хотя и такие организации чаще всего носят название федераций, но это неправильно, так как каждая группа сохраняет за собою не только право выхода из объединения, но и право отмены постановлений съездов своей организации. Следовательно, объединения анархических групп должны называться не федерацией, а конфедерацией.

Как должна быть построена Анархическая Партия? — Конечно, на началах конфедерации, т.е. каждая группа должна сохранить за собою не только право выхода из партии, но и право отмены решений партийного съезда. Это право должно быть оговорено съездом в уставе партии (т.е. все-организационном договоре).

Есть ли такие случаи, когда анархизм допускает построение добровольной организации на принципах централизации? — Есть, конечно, ибо анархизм не допускает только принудительной организации, но в добровольной может допустить и некоторый централизм, если это вызывается условиями деятельности организации. Так, армия, даже партизанская, не может быть построена на началах конфедерализма: если каждая часть во время боя будет обсуждать распоряжения штаба и отменять их, то такая армия будет разбита любым противником в несколько часов. Руководство военными действиями требует централистической организации. И поскольку анархистам придется вести гражданскую войну во время революции, постольку они должны допустить централистическое построение своей военной организации. А для того, чтобы военная организация не стала действовать во вред анархизму, она должна состоять при Анархической Партии. А сама партия должна быть построена на началах конфедерализма.

История организационного вопроса в анар-

хизме такова. Международное Братство, основанное Бакуниным в 60-х гг. имело, по видимому, централистический характер. Юрская Федерация (в 70-х гг.) была построена на началах конфедерации. В 80 и 90-х гг. анархические группы были разрознены. В конце 90-х гг. Малатеста основал в Италии массовую анархическую партию, построенную на началах конфедерации. В 900-х годах во всех странах начался процесс объединения анархических групп в конфедерации. В 1912 в Италии действовала анархическая партия („Итал. Союз Анарх.“), объединившая на началах конфедерации свыше 300 групп, насчитывавших в общей сложности до 18 тысяч членов.

В настоящее время перед анархизмом стоит дилемма: или распылиться в бессвязную массу, обезличиться и стать навозом для других партий, или же сплотиться в свою Анархическую Партию и вооруженной рукой пролагать путь к победе анархического коммунизма. Мы — за жизнь, за победу, а потому и за Анархическую Партию.

Партия — не значит, как мы уже говорили выше, централизм. Она может быть построена и на началах конфедерации. Мы — за конфедеративную партию. Партия строится на основе программы, определяющей тот общественный строй, к которому стремится анархизм, и те способы, которыми партия идет к анархическому коммунизму. Поэтому необходима тщательная проработка программы Анархической Партии для того, чтобы в нее не проникла контрабандным путем чужая идеология и чужие, неанархические требования. Программа партии должна давать основы анархического мирозерцания и каждым способом проводить начала анархического строительства во всей их чистоте.

В. Худoley

Д-Р ДЖ. П. САЙМОНДС.

ПРОГРЕСС

(Окончание)

При развитии языка и посредством изобретения письменности и печатания, человек собрал его настоящее, все увеличивающееся огромное общественное и интеллектуальное наследие. Теперь есть возможность живущему поколению учиться на успехах, неудачах и ошибках предыдущих поколений. Это придает интерес, если и не всегда прибавляет выгоду жизни самому процессу жития.

Открытие человеком средств самоосвобождения от тирании климата; его приобретенная способность пользования силами и ресурсами природы для своих собственных целей; развитие им форм общественной организации и управления, которые позволяют и побуждают процветание скрытых свойств, присущих отдельным членам общества; преобразование им религий из подавляющей общественной силы, основанной на страхе сверхъестественного, в личную веру, которая не оскорбляет его постепенно развитой силы разума, — все это указывает, что с того времени, как у человека выработался ум, он сделал такой же великий общественный прогресс, как и менее оспариваемый биологический прогресс, завершением которого является сам же человек.

Но является ли упомянутый прогресс действительным или же воображаемым? Постоянен он, или недолговечен? Пессимисты настаивают, что идея прогресса является иллюзией, мучительным миражем в пустыне человеческого существования. Они утверждают, что современная цивилизация пойдет по стопам цивилизаций Вавилона, Египта, Греции и других древних народностей к вполне заслуженному забвению. Выполнение цивилизации являлось Сизифовым заданием. Для пессимиста оно не может быть иначе. Убедительные доводы могут быть представлены в надежде, что он прав. Неопределенность постоянных попыток более заманчива, нежели монотонность достигнутого совершенства. Бесплезно оспаривать это утверждение пессимиз-

ма ибо ни одна из двух сторон вопроса не может быть доказана с такой несомненностью, чтобы можно было поставить точку над вопросом.

Во всяком случае, некоторые замечания уместны. В древние времена одни народы возвеличивались посредством покорения и подчинения других народов. Блистательная цивилизация либерально исчезла, когда породивший ее народ поднял в угнетенное подчинение другому, более сильному народу. В результате, великие народы и их великие цивилизации были, обычно, в древние времена, одиночными и отдельными, а не одновременными или сосуществующими. „Fuit Illium“ сделался эпитафией каждого покоренного народа и его сложной цивилизации. Ее поблеклая надпись быстро превратилась, как бы, в „позолоченный балкон, висящий над развалинами“. В настоящее время имеется, по крайней мере, шесть великих наций, или групп родственных народов, каждая с ее характерным типом западной цивилизации. Человек давно уже перестал существенно функционировать как обособленная единица, а поглотился в более великую, более могущественную и успешную группу. Это превращение человека из пещерного жития в стадное животное могло быть важным фактором в его способности выжить как виду. Несомненно, это было основой развития им так называемой нами цивилизации и приобретения им огромного наследия общественных обычаев и интеллектуального богатства, передающегося от поколений к поколению. Интернационализм в какой-либо форме может сделаться (на самом деле уже сделался) для отдельных наций тем, чем общество давно уже стало для отдельного человека. Поэтому, не может быть окончательным предрешением тот вывод, что западная цивилизация последует за ее предшественниками в великую утробу времени и уничтожится.

Выдающейся чертой прошлого столетия

был стремительный прогресс науки. За какое-либо десятилетие этого периода произошли большие перемены, чем происходили за одну или более тысячелетий истории. Перемена всегда требует приспособления. Быстро та перемены, а не ее размер, определяет, могут ли быть учреждены соответ. приспособления; что относится как к общественным организациям, так и к индивидуумам. Генри Адамс нашел необходимым переобразовать себя три раза для того, чтобы гармонизировать с окружающей средой, окончательно изменяемой общими приложениями научных открытий и изобретений. Общественный ум еще так парализован, что его линии сил бегут почти в том же направлении, как и в пренаучные дни. Трудно переменить индивидуальные привычки; для изменения же общественных обычаев, т.е. привычек организованного общества, требуются целые поколения. Выработанная из общественных обычаев и индивидуальных привычек, почти безнадежно пойманная и запутанная в сети длинных нитей наследственности, натура человека, возможно, существенно не изменилась со времени последнего ледяного периода. В лучшем случае, цивилизация — немного лучшая маска, которой прикрывается безобразное лицо дикого внутреннего человека.

И все таки, составленный из смеси различных страстей и инстинктов, унаследованных от доисторических и, может быть, дочеловеческих предков, человек при помощи науки научился строить для себя механические приспособления, которыми в тысячу раз увеличивает свои силы. Много усилий в этом направлении было обращено на выделку орудий разрушения по сравнению с которыми громовые стрелы Юпитера являются пустыми игрушками. С ужасом размышляешь о будущности этого частично укрощенного дикаря, „бегущего по улицам в полных доспехах цивилизации и уничтожающего все на пути“. Этот Каин, которого мы называем цивилизованным человеком, искусный „мастеровой“ по меди и железу, но он еще „говорит как дитя, понимает как дитя, думает как дитя“. Он приобрел знание принаровливать для себя могущественные и опасные инструменты совре-

менной науки раньше, чем у него развилось понятие и благоразумие, дабы употребить их всецело себе на пользу. Он научился обогнать лошадь и летать быстрее орла, но в решении новых проблем, поставленных перед ним этими странными силами, он движется со скоростью неповоротливой черепахи. Он шлет свои мысли кругом земного шара со скоростью света, но его мышления еще согласуются с темпом передачи мыслей у его прадедов, которые, обычно, узнавали о сражениях и победах недели спустя после заключения мира. Он изобрел машины, посредством которых может разрушить целый город в один день, не сделал даже попытки обуздать те унаследованные инстинкты и приобретенные чувства, которые требуют употребления этих машин. Астрономия научила его, что огромный голубой свод над ним не является подножием рая, на котором покоится трон всемогущего бога, ожидающего случая ввергнуть его в огненный ад, трубами которого служат извергающие вулканы земли. Он начинает постигать, что он живет во вселенной, лишенной обоих: и физического рая и физического ада; он не делает предписаний своему поведению, не веря в посмертные награды и наказания, которые рисовали ему его духовные наставники. Он наслаждается роскошным покоем и физическими комфортами современной цивилизации, но не желает достаточно напрячь свой ум, дабы открыть средства предотвратить опасности, которые угрожают его общественной организации и, даже, его роду. Когда опасности становятся слишком неизбежны, он с излишним усердием „хватается за полы счастливого случая“ и принимает какое-нибудь средство, которое может только отсрочить день конечной катастрофы. Человек самый отъявленный опортунист на земле!

Ему „надежда еще рассказывает лживые сказки“. Он не хочет поверить, что современно научные причины, равные древним „горгонам, гидрам и химерам ужасным“, все еще осуждают путь его рода. Он надеется как-либо „отвратить чудо Цирцей“. Он полагает, что несчастье в мире должно быть каким-нибудь путем изгнано, а страдание облегчено.

Чтобы помочь этому, человек выдумал современную систему благотворительности. Это средство, побуждаемое чувствительностью, но плохо смазанное рассудком, причиняет вред и общественно и биологически, едва ли уравновешиваемый приносимим им добром. Беспорядочное и нелогичное оказание помощи неспособным и недовольным приносило и индивидуальное и общественное бедствие с тех пор, как римской толпе их беспокойные императоры начали выдавать даровой хлеб и бесплатные развлечения. Рациональная благотворительность желательна и необходима при современных общественных бедствиях, но благотворительность, порожденная тщеславием и воспитанная на присвоенной себе собственности, является проклятием для обоих: и дающего и берущего.

Джон Рид так ловко описал тип благотворителя:

„Богатый человек кругом о нас хлопочет, Он Мидас, но Меценатом слыть не хочет; Из слов его тотчас-же видно, Что Мидасу осла ушами обладать не стыдно“.

Настоящие общественные условия порожденные научными открытиями и, исходящими из них изобретениями привели к опасной излишней специализации. Биологическая излишняя специализация часто причиняла исчезновение видов. Ископаемые останки многих исчезнувших животных указывают на этот феномен. Саблезубый тигр, мамонт, гигантские ящеры Мезозойских времен, — все выказывают каждую форму излишней специализации. Высокая степень специализации может подразумевать абсолютную зависимость от какого-либо особого состояния снабжения пищей, при чем, уничтожение последней ведет к прекращению специализированных видов; или излишнее развитие каких-либо бесполезных доминирующих органов, как огромные клыки или оленьи рога, которые нарушают закон экономии роста, и эти виды исчезают. Современное общество опасно переспециализировано в размещении населения и в промышленности, опасно потому, что это сочетание новых условий очевидно непреодолимо, ибо жизнь людей стала в зависимость

от них. „Причинами возникновения огромных современных городов явились во-первых, революция промышленности, которая сделала возможным рост обширных мануфактурных центров; во-вторых, быстрое развитие международной торговли, поощряемое свежими изобретениями и улучшениями в транспортировании, и, в третьих, увеличение населения, которое само является следствием новых изобретений и промышленной революции. „Городские населения не могут сами содержать себя. Они полагаются в своем снабжении пищей на способную систему транспорти, а в воде — на тщательно выработанную узловую сеть насосов и водопроводных труб. Частичный полон тех или других причинил бы страдание, а полная их неработоспособность значила бы бедствие“.

При старой системе производства рабочий являлся истинным ремесленником, а при современной системе он — часть машины. Современная система гарантирует дееспособность и громадно увеличивает производительность, но „приводит к стандардизации ума и уничтожению способности понимания“. Старая система приносила меньше продукта, но развивала личность. „Счастливы те, у которых природные склонности совпадают с их занятиями“, сказал Бекон. Люди, которые стоят в течение восьми часов в день и монотонно накручивают гайку на один особый винт в то время, как куски машин медленно проходят перед ними в бесконечной процессии, могут быть счастливыми, но они никогда не будут участниками общественного прогресса.

Население мира, увеличиваясь с чрезвычайной скоростью со времени начала промышленной революции, еще далеко не достигло того количества, которое не могло бы легко поддерживаться при современных методах земледелия и транспортирования. Настоящее количество людей, все-таки, не могло бы быть питаемо при методах земледелия и транспортирования сотню лет назад. Современная цивилизация либерально построена на фундаменте из угля и железа. Она может продолжаться только до тех пор, пока поддерживает ее фундамент, или же подходящие замени-

тели для элементов фундамента будут найдены. Участники цивилизации прошлого, по крайней мере, оставили природные ресурсы человека нетронутыми. Но вакханальное усердие, с которым людской род, в его настоящем состоянии помраченной и хмельно-храброй цивилизации, расходует незаместимые минеральные богатства земли, заставляет удивляться тому, что последует за этим периодом дебоша, когда запас опьяняющего напитка угля и железа истощится.

Все эти мрачные замечания ведут к определенному, более фундаментальному обсуждению этого современного феномена, называемого прогрессом. Человек сделал и достиг многого, с тех пор, как у него стал функционировать ум, в результате тех биологических процессов изменения и естественного подбора, которые образовали его сложные мозги. Разве он, как пьяный игрок с судьбой, должен потерять все? Он действительно, имеет ключ к своему собственному будущему.

В прошлом он подвигался вперед, он совершенствовался; он приобрел материал и интеллектуальное наследие, которое могло во збудить зависть в обитателях Олимпа; он формулировал для себя и успешно выпол. такие честолюбивые планы на чертежной доске жизни, что прежние поколения считали невозможным выполнить без сверхчеловеческой помощи. Всеобщее желание сверхчеловеческой силы, которое было отцом мыслей, породившей Атлас, Геркулеса и других мифических гигантов античности, современный человек реализовал своим изобретением машин. Большая часть этих достижений была выполнена с той поры, как у человека зародилась идея прогресса.

Со времени зарождения идеи прогресса, ее содержание изменялось с переменной интеллектуальной медиумом, в котором она привилась. Более ранние мыслители поэтому вопро су, Бекон, Декарт и др., рассматривали только прогресс в знании; Гегель и Конт прибавили духовную сторону, а современная наука придала идее прогресса материалистический элемент. В первом периоде, Свифт и Поп писали едкие холодные сатиры; во втором, авторы времен Виктории нашли мате-

риал в жеманстве; в третьем, выступила литература незрелого реализма и резкого разочарования в иллюзиях. В ранние периоды, факт прогресса был широко воспринят, как установившаяся истина, но в настоящее время существование его подвергается серьезному сомнению даже у тех, которые допускают его ценность, как возбуждающей идеи.

Прежде чем эта идея могла стать динамической, человек должен был избавиться от иллюзий законченности и совершенства. Все утопии были населены существами с этими качествами, которые, в попятии автора, определяли совершенного человека. Идея утопического прогресса — завершение состояния совершенства. Но прогресс, как достижение определенного установленного добра, как действие над определенной суммой, которая уменьшает на столько-то усилия, нужные для достижения конечной цели, — и является иллюзией.

— Человечество, до современного века, было обуреваемо идеей законченности. Его место и судьба были неизменно установленные, и никакие усилия с его стороны не могли изменить их. Человек не должен был с излишней любознательностью запрашивать о запрещенных секретах богов, или покушаться слишком упорно на подвиги, предоставленные только богам. Рассказы о Райском Саде, о Прометее, об Икаре, — указывают на состояние страха наложенного на себя древними по отношению завоевания природы. Их боги были и ревнивы и благоразумны, ибо человек всегда был дерзок.

Гораций говорил:

Нет подвигов для человека слишком тяжелых или суровых,

Желания его опасны и для неба богов. Юпитера приводит в ярость наших замыслов отвага,

Не смеет он оставить строя своих громовых...

Но современный человек уже не боится богов. Он не пугается грома Юпитера и насмехался бы над маленькими стрелами, которыми Апполон перебил детей бедной Ниобы. Для древних во вселенной пребывал установленный порядок. Человеческий прогресс для

них значил бы разрушение пределов, которыми человек был ограничен, а посему, прогресс был бы немислимо дерзок и рискован. Современный человек мыслит об установленном порядке во вселенной, как выражении неизменности законов природы. В границах этих законов он присвоил себе право пользоваться силами и материалами природы, как и сколько ему угодно для успеха его собственных задуманных планов. Поэтому он дерзает безнаказанно пользоваться запрещенное древо познания и нарушает священные пространства небесных высот.

Человеческий прогресс, как отличный от биологического прогресса, был определен, как развитие и экономия сил, называя силой все, что производит работу, или помогает в работе. Такой прогресс мог быть совершен только разумными существами, но все таки, сравнительно немного из человеческого успеха было результатом планированного, разумного руководства. Тем не менее человек прогрессировал, хотя прогресс его был скорее внешним, т. е., относящимся к искусственным изменением в окружающем его, включая увеличившийся запас передаваемого опыта, чем внутренним и относящимся к изменениям в природе самого человека. Поэтому, может быть, профессор Дюн прав в утверждении, что „до тех пор, пока люди не откажутся от поисков общей формулы прогресса, они не будут знать где смотреть, чтобы найти ее“.

Бесполезно пробовать формулировать идеал будущего прогресса людей. В нем слишком много случайностей, которые не могут быть предвидены. Человек, как род, имел и имеет много ресурсов. Он имел любознательность, рвение, любовь к действию, выносливость и надежду просто потому, что они свойственны его натуре, а не потому, что он позаботился о них. История его прошлого, читаемая как простой рассказ, и его настоящие склонности, рассматриваемые слишком критически, — не особенно обещающа. „История была определена, как процесс поворотов к варварству“. Человек неоднократно уклонялся к варварству или впадал в состояние родственное варварству; но, так или

иначе, его врожденная надежда, рыная любознательность и любовь к действию — побуждали его подниматься к чему-нибудь лучшему. Эта реабилитация не была вдохновляема идеалом какой-либо недостижимой бесконечной цели блага. Она была осуществляема изучением нужд и возможностей действительного положения и действиями, сообразно этим возможностям и нуждам.

Основанием человеческого прогресса является и, может быть, всегда будет натура самого человека; а последняя, очевидно, осталась неизменной, по крайней мере, за многие тысячи лет. Существенная основа этой натуры человека заключается в его сложном мозгу, который является вещественным театром его гномого и деятельного ума. При очевидной эволюционной установленности строения и функций тела человека, которые определяют и основательно влияют на его духовную и умственную деятельность, кажется непонятным, что человеческая натура подвергается в будущем каким-либо очень корым внутренним изменениям. Поэтому и не делается попыток формулировать какой-либо идеал прогресса, или описывать новую утопию. Прогресс биологический, социальный и, может быть, духовный был совершен. Дальнейший успех будет результатом тех же самых факторов, которые были ответственны за него в прошлом. Эти факторы свойственны натуре самого человека. Такой прогресс не должен быть беспрепятственным и не приведен к свободе от забот, тревог и опасений, ибо он не подразумевает достижения совершенства. По той же самой причине, он никогда не намеревается привести к счастью, но он будет доставлять удовольствие, которое сопутствует осуществлению чего-либо, и духовный подъем, который сопровождает возбуждающее действие к недостижимой цели.

Умственное воздействие такого взгляда будет зависеть от индивидуального отношения к возможностям человеческого рода. Такой взгляд не удовлетворит человека подверженного пессимизму, ибо его мысль о будущем людском роде такова:

Рыдание, безмолвие и блекнувшая искра;

М. А. ИСТОЧНИКОВ.

Философия Ницше

(Продолжение)

— „За нас должна свидетельствовать сама добродетель!.. Читайте евангелие, как книгу соблазна при посредстве морали: эти маленькие люди конфискуют мораль, — они знают, как нужно обращаться с моралью. Реальность заключается в том, что здесь самое сознательное сомнение избранных разыгрывает скромность. Себя, „общину“, „добрых и справедливых“ раз навсегда поставили на одну сторону „истины“, а все остальное, „мир“, на другую... Это был самый роковой род мании величия, какой когда либо до сих пор существовал на земле: маленькие вырожденки из хвастунов и лжецов стали употреблять понятия „бог“, „истина“, „свет“, „дух“, „любовь“, „мудрость“, „жизнь“,

и сказанное слово, которое ни отменить, ни стереть;

Произнесенный приговор, мир целый обрекающий на смерть;

Пепел и дым, — и тьма конечная затем пауступит быстро.

Не согласится он с слишком легкой и не требовательной верой Полшани и Пиплов, которые, в полной надежде, возражают на сеготования пессимистов:

О, мы все-таки надеемся, и нет у нас сомнений —

Добро как-либо конечной целью станет зла.

Природы мук и прегрешений умысла,

Сомнения пороков и крови искушений.

Настоящее (наше) понимание прогресса возлагает ответственность за будущее на самого человека, и, все-таки, представляет разумный базис для надежды за будущее человеческого рода. Это понимание дает бодрящее побуждение окончательно определить ответственность за наше будущее. Человеку была дана его возможность. По справедливости, он не может требовать большего.

Д-р Дж. Саймондс.

как синонимы самих себя, чтобы этим отграничить от себя „мир.“ Еврейчики в квартале, зрелые для любого сумасшедшего дома, поставили себя в центре всех ценностей, как будто христианин был смыслом, солью, мерой, а также последним судом всего остального. Вся дальнейшая судьба предопределялась тем, что в мире уже существовал родственный по расе вид мании величия — иудейский: коль скоро разверзлась пропасть между иудеем и иудейским христианином, последнему не оставалось никакого иного выбора, как ту-же процедуру самосохранения, которую внушал иудейский инстинкт, обратить против самих иудеев в то время, как иудеи обращали ее до сих пор только против всего неиудейского. Христианин есть тот же еврей только более свободного исповедания.“ (Антихрист). Жрецам была дана неограниченная власть и они с помощью этой власти и государственного аппарата принялись за осуществление христианского идеала. Пошла резня, побои, неслыханный грабеж и опустошение целых областей. Появились новые классы. На место бывшей аристократии духа и рыцарства пришла „аристократия“ брюха и грязной животной похоти — денежная „аристократия.“ Все лентяи, педерасты и чернь, ищущая острых ощущений, ринулись в ряды христианства. Застонал народ, застонали народы и полилась человеческая кровь. Инквизиторы работали во всю без всякого стеснения и угрызания совести, ибо делалось это по воле Божией.

Духовенство разбогатело, превратилось в феодалов и захватило в свои руки не только жреческую, но и государственную власть, стало полным хозяином судеб народов. Христианская мораль „сострадания“, „братства и любви“ превратилась в тиранию и деспотизм, в грязный источник личной наживы. Духовенство наложило свою

лапу на все отрасли знания, наука считалась ересью и преследовалась.

Если после всего этого мы всмотримся в окружающую нас социальную жизнь, в проповедь моралистов и их поступки, то естественно и придем именно к тем результатам и выводам, к которым пришел и Ницше. Ведь вся несправедливость современной жизни творится именно проповедниками христианства. Вся эксплуатация, порабощение, паразитизм, нажива и есть основная психологическая склонность всякого проповедника. "Я осуждаю христианство, пишет Ницше, и выдвигаю против христианской церкви страшнейшие из всех обвинений, какие только когда нибудь были на устах обвинителя. По моему, это есть высшее из всех мыслимых извращений. Христианская церковь ничего не оставила нетронутым в своей порче, она обесценила всякую ценность, из всякой истины она сделала ложь, из всего честного — душевную низость. Еще осмеливаются мне говорить о христианских гуманитарных благословениях. Удалить какое нибудь бедствие — это шло глубоко вразрез с ее пользой; она жила бедствиями, она создавала бедствия, чтобы себя увековечить... "Гуманитарные" благословения христианства! Из гуманности извлечь противоречие самому себе, искусство самоосквернения, волю ко лжи во чтобы то ни стало, отвращение, презрение ко всем честным и хорошим инстинктам! Вот что такое, по моему, благословения христианства! Паразитизм, как единственная практика церкви, высасывающая всю кровь, всю любовь, всю надежду на жизнь, своим идеалом бледной немочи и "святости". Потустороннее, как воля к отрицанию всякой реальности; крест, как знак принадлежности к самому страшному заговору, какие когда либо бывали, — заговору против здоровья, красоты, удачливости, смелости духа, против душевной доброты, против самой жизни... Это вечное обвинение против христианства я хочу написать на всех стенах, где только они есть, — я имею буквы, чтобы слепые их видели... Я называю христиан-

ство великим проклятием, великой внутренней порчей, великим инстинктом мести, для которого никакое средство не будет достаточно ядовито, коварно, низко, достаточно мало, — я называю его бессмертным позорным пятном человечества." ("Антихрист").

Точно также отрицательно Ницше относится к демократии и социализму. В них он видит тоже последовательность христианской морали, стремление к "равенству" и "всеобщему благу". "Всеобщее благо" есть обман и нечестность проповедников. Никакого общего блага нет, а есть только благо каждого человека в отдельности — личное благо. "Всеобщего равенства" тоже не существует. По природе человек стремится к неравенству, (духовному, а не материальному), к превосходству над другими. Равенство ведет к животной стадности, к измельчанию и вырождению человеческого рода. Проповедуют же этот аскетический идеал личности по наклонности своей и стремлению противоположные своим проповедям. Это политики, стремящиеся к власти, наживе, мелкие и крупные торгаши, извлекающие из этого материальную выгоду, но слабые и трусливые для того, чтобы открыто заявить о своем желании, а поэтому и прикрывающиеся маской "всеобщего равенства" и "всеобщего блага." "Социализм, это — сумасбродный младший брат отжившего свое время деспотизма, который является его наследником, потому что он жаждет владеть государственной властью в таком объеме, в каком владел ею когда то только деспотизм, социализм даже превзошел требования прошлого, так как он прямо стремится к уничтожению индивидуума; этим последним он овладевает, как незаслуженным щедрым даром природы и улучшает, перестраивая его в целесообразный орган — **общей собственности**. Благодаря своему родству со всяким чрезмерным развитием власти, он всегда находится вблизи от этой власти; так, например, Платон, представлявший собой тип социалиста древнего мира, жил при дворе сицилийского тирана; он же-

дает достигнуть цезаризма в современную нам эпоху (и при известных обстоятельствах способствует его развитию), потому что он, как мы говорили выше, желал бы быть его наследником. Но для его целей было бы не достаточно даже и этого наследства; он требует самого верноподданнического преклонения перед таким государством с неограниченною властью, подобного которому не существовало еще никогда, но так как он уже не может рассчитывать на прежнее благоговение перед государством и необходимо должен стараться об его уничтожении, то он действительно и стремится уничтожить все существующие государства; он может заявлять только на короткое время то тут, то там, о своем существовании тем, что терроризирует общество. Поэтому он приговаривается втихомолку к наводящей ужас власти и, подчиняя своему влиянию полуобразованные массы, вбивает им, точно гвоздь в голову, слово "справедливость" для того, чтобы лишить их рассудка (после того, как их рассудок и без этого уже много пострадал от полуобразования), и чтобы они могли со спокойной совестью вступить в то злое дело, в котором они должны быть участниками. Социализм может служить к тому, чтобы убедить самым жестоким и энергическим образом в опасности, представляемой чрезмерным усилением государственной власти и внушить недоверие к самому государству. Когда последнее прокричит своим охрипшим голосом свой боевой крик: "как можно больше для государства!", то крик этот будет громче, чем когда либо; но вскоре раздастся еще более громкий крик противной стороны: "как можно меньше для государства!" ("Человеческое, как оно есть.")

Социалисты представляют из себя матку в пчелином улье, они хотят подобно этой матке превратить все человечество в серую бесформенную массу, уничтожить всякие границы и названия и, прицепив к каждой личности номер, как к вещи, распоряжаться ею как вещью; больше того, они хотят не только распоряжаться чело-

веком как вещью, но и плодить и уничтожать, как трутней, согласно потребностям своим; следовательно, идею социализма следует считать самым ужасным и кошмарным явлением когда либо возникшим в человеческой мысли, и при появлении его на практике социализм приведет человечество к абсолютному духовному вырождению, после чего последует и окончательное физическое вырождение.

Итак, Ницше отрицает не само по себе христианство, а ту подлость, ту несправедливость, которая творится под именем подлинного христианства. Деспотизм, империализм, паразитизм, эксплуатация и нажива, преследование корыстных и личных целей, вся низость и все связанное с именем "чернь", все это находит приют и оправдание в морали христианства. Все проповедники морали и загробной жизни для других сами стремятся к богатству, роскоши и пресыщению здесь на земле. Но чтобы отвлечь внимание своей жертвы и не дать ей понять и осознать вопиющей несправедливости, царящей вокруг нее, паразиты указывают ей на загробную жизнь, которая, мол, вознаградит за все пережитое на земле. Вот против чего Ницше восстал. Он хотел, чтобы мораль не была прикрытием всякой мерзости и личных целей, а глубоким, свободным, чистым душевным переживанием.

Современная мораль, включая и социалистическую, это мировой паразит, питающийся не при помощи одной какой либо части своей поверхности, а всей поверхностью своего огромного тела. "Любовь к ближнему", "сострадание", "добродетель", "повиновение", "кротость", "всеобщее равенство" и "всеобщее благо", все это шушпаляда, при помощи которых мораль соест соки, — жертва которой — человек. Она засосала человечество, сделала невозможным истинный прогресс и улучшение рода человеческого, заела всякий порыв к творчеству и стремлению к высшей культуре. Против этой же - морали Ницше восстал, он ненавидел ее и презирал, он тосковал по античности и ее культуре, по ее моральным

ценностям, убитым христианством временно.

В древности стремились к творчеству, к постижению высших форм жизни, поглощены были художеством, искусством, музыкой и великой пластикой. Благодаря этому, страсть к наживе, к капиталу, эксплуатации и паразитизму отсутствовала. Христианство же, убив все эти великие, благородные и возвышенные порывы души человеческой, породило этим современную систему несправедливости. Стремление к героизму, благородству и творению великих ценностей заменено христианством стремлением к богатству и роскоши; любовь к творчеству заменена — любовью к пресыщению и золоту, породившим слыханную систему эксплуатации и паразитизма.

Все это Ницше знал и глубоко чувствовал. Он видел, что под христианской моралью скрывается стая хищников. Он знал их стремление, вскрыл тайник их души, заглянул в самую глубь и то, что он увидел, возмутило его, он узнал, что все ласкательные слова, как "доброжелательство человечеству" не что иное, как тот яд, которым врач замораживает часть тела, дабы ослабить ощущение боли при вскрытии; яд, которым хищники замораживают свои жертвы в момент эксплуатации. Они ехидно говорят: "это все, дорогой, во имя твоего блага и здоровья, во имя блаженства твоего на том свете."

Возмущенный этим кошмарным обманом до глубины души своей, Ницше встал против всего этого, он решил разрушить и уничтожить всю современную мораль и всех скрывающихся под тенью ее выгнать на свет божий. Уничтожая современную "мораль", Ницше имел в виду сделать невозможной систему паразитизма. "Моя задача, пишет он, подготовить человечеству момент высшего самосознания, великий полдень, когда он оглянется назад и взглянет вперед, когда оно выйдет из под владычества случая и священников и поставит себе впервые, как целое, вопросы: почему? зачем? Эта задача с необходимостью

вытекает из воззрения, что человечество само по себе не находится на верном пути, что оно управляется вовсе не божественно, что наоборот, среди его самых священных понятий о ценности, предательски господствует инстинкт отрицания, порчи, инстинкт декаданса. Вопрос о происхождении моральных ценностей потому является для меня вопросом первой важности, что он обуславливает будущее человечества. Требование, чтобы верили, что все в сущности находится в наилучших руках, что одна книга, Библия, дает окончательную уверенность в божественном руководительстве и мудрости в судьбах человечества, это требование, перенесенное обратно в реальность, есть стремление не позволить раскрыться истине. Какой смысл имеют эти ложные, вспомогательные понятия морали, "душа", "дух", "свободная воля", как не тот, чтобы физиологически разрушать человечество? Когда отклоняют серьезность самосохранения и увеличения силы тела, т. е. жизни, когда из бледной немочи конструируют идеал, из презрения к телу "спасение души", то что же это, как не рецепт декаданса? Утрата равновесия, сопротивление естественным инстинктам, "самоотречение" — это называлось до сих пор моралью. . . . С "Утренней Зарей" принял я впервые борьбу против морали самоотречения." (Ессе Номо).

ПЕРЕОЦЕНКА ВСЕХ ЦЕННОСТЕЙ ЧАСТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СВЕРХ - ЧЕЛОВЕК

Отвергнув современную мораль как ненужную и вредную основу жизни, Ницше, в лице своего героя Заратустры, начинает проповедывать о новой морали, о новых ценностях жизни, о грядущем величии новой культуры и нового возвышенного рода человеческого.

Здесь Ницше становится по ту сторону современных понятий о "добре" и "зле". Новое человечество должно стать по ту сторону и там творить новые ценности. Каждому желающему войти в эту новую область духовного мира необходимо прой-

ти целый ряд испытаний. Наделяя своего сверх-человека такими качествами, как жестокость, суровость, выносливость в борьбе, изображая его не признающим ни добродетели, ни сострадания, ни общего блага, ни равенства, а стремящимся к неравенству, к господству и могуществу. Ницше одновременно предупреждает, что это отнюдь не есть слепая страсть возбужденной толпы и черни. И желающих воспринять учение его, он подвергает допросу: „Кто ты и куда идешь? Ты еще не свободен, ты еще ищешь свободы. Твои поиски заставляют тебя томиться от бессонницы и бродствовать. Ты стремишься в свободную вышину, звезд жаждет твоя душа. Но также и твои дурные наклонности жаждут свободы. Твои дикие собаки хотят на свободу; они лают от удовольствия в своей конуре, когда дух твой старается отплести все темницы. Для меня — ты еще пленник, который помышляет о свободных. Ах, мудрой становится душа у подобных заключенных, но в то же время лукавой и дурной. Очиститься должен также освобожденный духом. В нем много еще осталось от темницы и гнили: чистыми должны сделаться его взоры.“ (Так говорил Заратустра).

Чтобы воспринять учение сверх-человека, а тем более, стать его последователем, нужно прежде всего отказаться от современных пороков, зависти, мести, бессилия духовного, от стремления к наживе и эксплуатации, отказаться от стремления к захвату власти, бюрократизма, от деспотизма и паразитизма и стать выше своих низких и животных потребностей, стать аристократом духа, вытравить в душе своей все то, что называется зверством и пошлостью, лицемерием и извращенностью, должен стать человеком возвышенным и благородным; больше того, чтобы стать последователем учения о сверх-человеке, должно переродиться трижды, должно обладать тремя качествами: — энциклопедическим знанием наук, силой воли и ума, воспринять и перенести эту тяжесть, первое, быть жестоким, твердым и сильным рыцарем

духа, чтобы суметь освободиться от ненужного и вредного современного мировоззрения; второе, третье, пройдя через горнило очищения, стать чистым, наивным, кротким и безвинным как дитя, чтобы верно воспринять мораль сверх-человека. “Говорю вам о трех превращениях духа: как дух становится верблюдом, верблюд львом, и лев, наконец, ребенком.”

Много трудного предстоит духу, сильному, выносливому духу, которому присуще благоговение: силы его стремятся к самому трудному и тяжкому..

“Что тяжело?” — спрашивает выносливый дух, преклоняет колени, подобно верблюду, и хочет быть хорошо нагруженным..

Что есть самое тяжелое, герои! — спрашивает выносливый дух — я возьму это на себя, и возрадуюсь своей силе.

Не унизиться ли, чтобы уколоть свое высокомерие? Заставить светиться свое неразумие, чтобы посмеяться над своею мудростью?

Или вот что: отрешиться от своего дела, когда оно празднует победу? Взобраться на высокую гору, чтобы искушать искусителя?

Или вот что: питаться жолудями и травой познания и ради истины претерпевать голод души?

Или вот что: быть больным и отсылать утешителей и заключить дружбу с глухими, которые никогда не услышат, чего ты хочешь.

Или вот что: опуститься в грязную воду, если это вода истины, и не отталкивать жаб.

Или вот что: любить тех, которые нас презирают, и протягивать руку призраку, если он заставляет нас бояться?

Все это самое трудное выносливый дух берет на себя подобно верблюду, который, тяжело нагруженный, спешит в пустыню; спешит и он в свою пустыню.

Но в самой уединенной пустыне происходит второе превращение; здесь дух становится львом, страется добыть себе свободу и быть господином в собственной пу-

стыне. Своего последнего господина ищет он себе здесь: он хочет сдаться враждебным и к нему и к своему последнему божеству; из за победы хочет бороться он с великом драконом.

Кто же этот великий дракон, которого дух не желает называть более господином и божеством? "Ты должен" — называется великий дракон. Но дух льва говорит: "я хочу."

"Ты должен" — лежит у него на дороге, сверкая, как золото, чешуйчатый зверь, и на каждой чешуе золотом блестит "ты должен."

Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так говорит самый могущественный из всех драконов: "вся ценность вещей — блестит на мне."

Всякая ценность уже создана, и всякая созданная ценность, — это я. Поистине, не должно больше существовать никакой "я хочу." Так говорит дракон.

Братья мои, к чему нужен лев в духе? Чего недостает в рабочем животном, которое так нетребовательно и почтительно? Создавать новые ценности — этого не может еще и лев: но создать свободу для нового создания — это во власти льва.

Создать себе свободу, а также свяшенное **нет** перед обязанностью: это, братья мои, под силу льву. Завоевать себе право на новые ценности — это самый ужасный труд для выносливого и почтительного духа. Поистине, это является для него разбоем и делом хищного зверя.

Как своя святая святых любил он когда то "ты должен": теперь он должен находить заблуждение и произвол также в святая святых, чтобы похитить себе свободу из своей любви: нужен лев для этого похищения.

Но скажите, братья мои, на что еще способен ребенок, на что не был бы способен даже лев? Для чего хищный лев должен сделаться еще ребенком? Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, само по себе катящееся колесо, первое движение, святое "да."

Да, для игры создания, братья мои,

требуется святое утверждение: дух хочет теперь **своей** воли, **свой** мир завоевывает себе потерявший его.

Говорю вам о трех превращениях духа: как дух становится верблюдом, верблюд — львом и, наконец, лев — ребенком.

Так говорил Заратустра. Тогда пребывал он в городе, который назван: "Пестрая корова." (Так говорил Заратустра).

Здесь Ницше отразил Леонида Андреева в его "Савве": — "Человек голым должен остаться и на голой земле." Чтобы стать последователем идеи о сверх - человеке, ты должен стать безвинным и открытым, с открытой и честной душой, как дитя, выйти за пределы всей ужасной и разлагающейся современности, и там создавать новую мораль и новые культурные ценности. Все это необходимо уяснить каждому, приступающему к чтению или изучению философии Ницше о сверх - человеке. Точно также должно принять к сведению и то, что, признавая теорию эволюции, Ницше отнюдь не был дарвинистом, а его сверх-человек, не "белокурый зверь", как это некоторые думают. По теории Дарвина побеждает не качество, а количество. Выживают не выдающиеся и гениальные личности, а толпа, те, которые быстро плодятся. Относительно "борьбы за существование" Ницше пишет следующее: „Что касается пресловутой "борьбы за существование", то она мне кажется скорее утверждаемою, чем доказуемою. Эта борьба бывает как исключение. Общий вид жизни не есть состояние нужды, не голодание, а скорее богатство, избыток, даже бессмысленная расточительность, — там, где борются, борются за власть. Но если даже допустить, что есть такая борьба, а она действительно случается, то исход ее бывает, к несчастью, обратный тому, которого хочет школа Дарвина и которого-бы и мы могли вместе с нею желать, а именно: победа не на стороне сильных, уполномоченных, но на стороне счастливых исключений. Подбор основан не на совершенстве: слабые всегда будут снова господами сильных, благодаря тому, что они составляют большинство.“ ("Помраче -

ние Кумиров.“) Все это, повторяю, необходимо принять к сведению, в противном случае, легко можно ошибиться при оценке философии сверх - человека.

Здесь Ницше подходит к теории свободного общества и свободных личностей, — к индивидуализму, в полном смысле этого слова. “Сверх - человек“, это прообраз, объект и идеал будущего аристократического и гениального народа.

Заратустра, это еще не сверх-человек, а лишь пророк и учитель, который, разрушив старые скрижали ценностей, указывает новый путь к новой жизни и на новой земле (морали). Он указывает какими качествами должен обладать каждый, стремящийся к этой новой жизни, как стать самим собой и превзойти себя. Он указывает на ту опасность нашей беззаботности о будущем, которая может повлечь к вырождению, а поэтому он призывает обратить серьезное внимание на будущность. “На худой конец, на новых философов, на людей, настолько смелых духом и самостоятельных, чтобы дать начало противоположной нравственной оценке и изменить, перевернуть до сих пор существующую вековую оценку, на посланных в мир людей будущего, которые в настоящем завязывают тот узел, дают то побуждение, которые принудят волю изменить направление, по которому она шла несколько тысячелетий, и устремиться на новые пути. Для того, чтобы внушить человеку, что будущность человечества в его руках, зависит от человеческой воли, и приготовить смелые, великие опыты всеобщего перевоспитания и дресировки, с целью положить этим конец тому ужасному господству бессмыслия и случайности, называвшемуся до сих пор “историей“, для этого когда набудь потребуются нового рода философы и повелители, при виде которых поблещут и сокрутятся все бывшие на земле страшные и добрые духи. Мы можем только вообразить себе подобных вожаков — не в обиду будь это сказано вам, свободомыслящие люди. Для того, чтобы они явились, надо частью создать новые усло-

вия жизни, частью воспользоваться уже существующими, открыть новые пути, сделать всевозможные опыты, чтобы дать их душе дорасти до такой высоты и силы, которые побудили бы их стремиться к подобным задачам; измененная нравственная оценка должна закалить их совесть, сделать их сердце железным, чтобы оно могло вынести тяжесть подобной ответственности. Такие вожаки необходимы; нам грозит страшная опасность, если их не будет, если они не народятся или недоразовьются, загубленные внешними обстоятельствами. Вот что нас собственно заботит и печалит. Знаете ли это вы, свободомыслящие люди? Эти мысли о будущем омрачают, как грозовые тучи, горизонт нашей жизни. Ничего не может быть больнее как увидеть, понять и почувствовать падение и вырождение необыкновенного человека; но тот, кто один из немногих, видит ту опасность, которая грозит человечеству от общего вырождения людей, кто, как мы, постиг ту случайность, которая разыгралась над судьбой человечества (христианство), причем его не защитила ничья рука; кто разгадает роковое несчастье, скрытое в простодушии и доверчивом спокойствии современных идей и еще больше в европейской морали, тот почувствует такую тревожную грусть, с которой ничто сравниться не может, — ведь он ясно видит, что бы могло выйти из человека при благоприятном накоплении и возвышении его сил; он глубоко уверен, что человечество еще не настолько истощено чтобы для него были закрыты великие возможности, он знает, что первообраз человека часто стоял перед таинственными решениями, перед новыми путями; он знает по собственному горькому опыту, какие жалкие пустяки заставляли опускать крылья, унижали, разрушали и делали ничтожным и жалким. Общее вырождение людей, доходящее до того, что болваны — социалисты и пустоголовые люди считают его “человечеством будущего“ — своим идеалом!

(Окончание следует).

М. А. ИСТОЧНИКОВ.

А. А. СОЛОНОВИЧ.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

(Продолжение)

Здесь, как мы уже говорили, А. А. вращается все время в области "мысли", в сфере понятий и перед ним стоит даже вопрос о номинализме и реализме. Со свойственной ему прямоотой и четкостью, А. А. выдвигает антиномию, но этим как раз и обнаруживает свою позицию, как обоснованную в "мысли" и приходит к ней вместе с неизбежно связанной с ней антиномичностью, парадоксальностью и софистичностью в смысле Канта, Кантора и Зенона.

Громадное общественное и политическое развитие всегда требует соразмерный запас производительной энергии. Единственные источники таковой энергии, известной древнему миру, были рабы и, в меньшей мере, домашние животные. У них не было искусственных сил для применения в производстве и транспортиции, и единственная натуральная сила, существенно употребляемая ими, была сила ветра, применяемая в морской транспортиции. Их главным, если не единственным средством, идти в ногу с требованиями политического и общественного расширения, было расширение системы рабства. Современный человек, при подобных условиях, увеличивает число и разнообразие своих машин.

В дальнейшем нам предстоит дать не только статистику трех типов, как это мы сделали на предыдущих страницах, но описать и их динамику, чтобы сделать окончательные выводы, а пока, так как нам это понадобится в дальнейшем, мы предварительно выясним вопрос о понятиях более детально.

Нужно резко различать две вещи—идеи, как они описаны, например, у Платона, и понятия, как они квалифицируются, например, у Канта.

Идеи объективно сущи, есть мир идей, реальность которого имманентна ему в мере не меньшей, чем миру вещей. Идеи суть живые существа и каждое подлинно живое существ-

во есть так или иначе воплощенная идея. Идея совсем не гомеологична, но вполне онтологична. Идея есть дух. Идея есть сущность, т. е., существо. Но между миром идей и миром вещей лежит мир форм, мир душ... Это мир, стихиями которого являются эмоции. Человек же присущ всем трем мирам и в мире вещей его „я“ есть его тело, в мире форм — его „я“ есть его личность, в мире идей — его „я“ есть его индивидуальность. И подобно тому, как его физическое „я“ соткано из стихий — земли, воды, воздуха и огня, так его душевное тело — его — личность — соткана из стихий мира форм, то есть, из эмоций.

Человеческое тело имеет способность потреблять бесформенные стихии и ассимилировать их в своем теле, строя его. Таким образом, тело человека придает форму бесформенным стихиям, так как эту форму привносит душа. Так же и во вне себя, в физическом „не-я“ оформляет человек стихии в трудах своих рук. В результате из его деятельности выходят его продукты — создания его сил. Человек творит вещи в мире стихий, оформляя их для своих целей. При этом он пользуется, главным образом, стихией земли, твердой стихией, более постоянной. Совершенно аналогично происходит в мире форм, в душевном мире. Такая личность из бесформенных стихий — эмоций творит определенные формы-понятия. Понятия суть таким образом продукты человеческой деятельности. Как созданная мной допата, топор, колесо, есть физическая абстракция от всех других возможностей ранее заключавшихся в сыром материале, из которого я их создал, так понятие есть абстракция психическая от всех представлений, послуживших к его образованию. Наши представления суть „вещи“ мира форм, мира образов, мира душевного.

Но подобно тому, как физически создан

ная вещь, мы руководствуемся представлениями формы, взятыми из мира форм, подобно тому, как созданная нами вещь несет в себе отблеск, тень представлявшейся нам формы, хотя по существу с ней не имеет ничего общего, подобному этому и понятие несет в себе отблеск, тень идеи, может быть смутно встававшей в нашем бессознании, но по существу — понятие и идея ничего общего между собой не имеют.

Идея — живое существо мира идей, понятие — мертвая форма мира форм. Таким образом, мир человеческого мышления есть отражение в человеке мира образов, мира эмоций, как мир физических переживаний есть отражение в человеке мира стихий и стихийных сил физического мира.

Вот в чем глубочайшая разница между Платоном и Кантом. У Канта идея скрыта, как вещь в себе, в самой глубине синтеза трансцендентального единства, прикрывающего ее, как платя.

Всякая идея есть живое, подлинное индивидуальное „я“, а всякая форма, в том числе и личность, есть онтологически только оболочка эмоций — энтелехия или понятие, при чем энтелехия есть форма, долженствующая стать средством рождения идеи в мире вещей, а понятие есть и остается мертвой „вещью“, сработанной человеческим умом в известных схемах, хотя бы кантовского характера.

Понятия суть продукты человеческого ума, человеческая „мысль“... Но понятия возникли исторически. Только на известной ступени развития человек приобретает способность производить, творить понятия... Это относится, как к жизни отдельного человека — к онтогенезису, — так и к целым народам — к филогенезису. В первом случае мы будем иметь тот возраст человека, с которого начинается жизнь его „мысли“, абстрактной и абстрагирующей деятельности его ума, возраст, тесно связанный с моментом наступления половой зрелости. Во втором случае мы сможем указать в истории народа эпоху, когда он начинает жить понятиями. До этого жизнь протекает в образах и в эмоциях —

текущих и неустойчивых, а после этого жизнь превращает в простые служебные орудия все понятия и познает взаимно — однозначное соответствие между твердыми вещами и твердыми понятиями, делая их только средствами своих достижений в деле покорения сил природы для целей чистого утилитаризма.

В наше время, говоря об идеях, об идеале, всегда подразумевают только понятия и спор реалистов с номиналистами есть просто недоразумение. На самом же деле можно сказать, что в случае живого существа мы имеем его самого, в его сущности идею *ante rem* его же в его форме, в его энтелехии — идею *in rem* и, наконец наше представление, понятие о нем — идею *post rem*. Только первое есть идея, второе — форма, третье — понятие, нами созданное. Нужно заметить, что возраст или эпоха „мысли“ есть как раз та стадия сознания, которая нами названа психической. Как отдельные люди, так и целые народы могут в своем развитии остановиться и застыть на известной стадии, если они не смогут перейти в следующую. В истории мы имеем примеры попыток зафиксировать статически эти стадии в обществе в виде каст. Так пришлое население древнего Индостана — арийцы — разделились на три касты — физиков — вайсьи, психиков — кшатрии и пневматиков — брамины. Но ясно, что эта попытка была неудачна в себе самой, ибо являлась результатом смешения совершенно различных факторов и поэтому не может выдержать критики. Чтобы проследить все три стадии в жизни, мы рассмотрим их, как они проявились у различных народов.

Предварительно нужно указать на тот факт, что каждая эпоха лишь при особых условиях может быть сделана доступной, как таковая, восприятию человека, принадлежащего другой эпохе. Отсюда вытекают все нелепости современных историков, когда они пытаются охарактеризовать „дух“, „характер“ прошлых эпох. Повторяется старая история самого Эберса, который обряжал современных ему немцев в египетские костюмы и пускал гулять среди ефинов и пирамид.

Получилась одна бутафория. Но почти все современные историки пишут такие же бутафории, не понимая, что человек прежних эпох был другим, чем теперь. Древний человек, например, до-гомеровский грек, германец Тацитовской эпохи и т. п., жил своей родовой жизнью. Он был членом рода, был не отделен от него, как палец от руки. Он не мыслит понятиями, но образами. Слова его были не понятиями, а именами. Не имел личности, не обладал самолюбием в нашем смысле слова. Его отцом был род, его матерью — природа. В его механической, огромной памяти жили родовые обычаи и предания. Кровь его отцов струилась в его жилах, как в ветках струится сок ствола. Его смутное подусонное сознание говорило ему о непосредственной связи с предками, к которым он и уходил после смерти "На лоно Авраамово". Его всю жизнь окружали предки — он видел их во сне, в обстановке своего жилища, в огне очага. Они жили и в нем самом — в его воспоминаниях, знаниях, привычках. Патриарх был как бы мозгом рода, а его соплеменники и сородичи — членами родового тела. Оторвавшись от рода, человек совершенно терялся. Он делался изгоем, врагом для окружающих его чужих родов, он мог стать у них только рабом или быть убитым, если не совершалась прививка его к чужому роду, в виде усыновления, подобного прививке деревьев. Он был продуктом рода — его пальцем, рукой, глазом. Он углублялся в себя и навстречу ему на поверхность выплывали образы, деяния и представления его прародителей и отцов. А кругом его раскинулась беспредельная природа, полная жизни, полная духов, богов и демонов. Он видел этих демонов, слышал их, осязал их. Он уподоблял их самому себе и вел с ними совместную жизнь в природе, борясь с ними или заключая союзы. Он понимал язык птиц и зверей, он слушал речь Додонского дуба или шепот нимфы ручья и для него гномы, ундины, феи, дриады, фавны, сатиры — существовали не менее реально, чем для нас существуют твердые вещи. Мир стихийных духов включал и человека в свой хоровод и человек плясал с

ними танцы времен года или погибал от их гнева и мести. Природа была его матерью. Человек жил на лоне природы, в утробе своей матери. Он чувствовал, что в природе живут стихии и те же стихии живут в нем самом — в его теле. Он был окружен своими братьями — животными, растениями, духами, самой землей, водой, небом, и общий прародитель — солнце — светило на добрых и злых. В своих мифах он ровно никого и ничего никогда не олицетворял. Это мы теперь олицетворяем, приписывая наши точки зрения древнему человеку, а он описывал все именно так, как он воспринимал, как мы теперь, воспринимая иначе, создаем мифы Физико-Математических наук. Ребенок совсем не олицетворяет человека в кукле, но он воспринимает человека в кукле. Современный физик отличается от древнего человека отсутствием воображения. Древний же человек жил наполовину жизнью земли, жизнью тела, а наполовину еще остатками жизни мира образов, из которого пришла его душа на землю.

Древний человек не имел понятий. Его слова были именами и потому имели магическую силу. Эта сила исчезла когда человек создал понятия. Он разучился с тех пор понимать язык природы. В индивидуальной жизни момент перехода от имен к понятиям связан с наступлением половой зрелости. Взаимное понимание между ним и животными прекращается. Так говорит нам миф о грехопадении в Библии, так говорит и мифология Вавилона.

"Вот приходит скот и пьет у водооя,
Всякая тварь водяная весело плещется в водах,

С ними приходит также Забани,
Вместе с ланями ест травы.
Вместе со скотом пьет у водооя,
С кипящей тварью весело плещется в водах.

Увидала блудница могучего мужа.
Идет он по полю, буйный и дикий муж степей.

"Это он, блудница! Распахни одежды,

Обнажи свое тело, пусть он утешится тобою;
 Когда он тебя увидит, он приблизится к тебе.
 Скинь свои одежды, чтобы он возлег с тобою.

Дай ему наслаждение, утеху любви.
 Тогда станет чуждаться его скот, выросший с ним в поле!

Он страстно прильнет к тебе грудью.
 Тут блудница распахнула одежды, обнажила свое тело,
 Дабы он утешился ее красотой.

Ее одежды упали, она разбудила в нем страсть,
 Она дала ему утеху, он унылся наслаждением.

Страстью прильнул он к священной служительнице Иштар.
 Шесть дней и семь ночей Эабани наслаждался любовью

И насытился ею Эабани и поднял лик свой
 Он окинул взором степи, нища свой скот.
 Но, едва лишь завидя Эабани, метнулись в сторону лани.

Полевые звери пугаясь его убегают.
 Изумление охватило Эабани, он стоит, словно вкопан.
 Онемели его колени, ибо скот его убежал.
 Ослабел Эабани, смирилась его прекия буйность.

Он прислушивается, он настораживает слух,

Он повернул и сел у ног блудницы.
 Он смотрит ей в лицо и слушает ее речи *.
 ("Эпос о Гильгамеше", Скрижаль первая.
 "Сказания древнего Вавилона" под ред. Вл. Астрова, Ефрон. Берлин).

*) "Итак, способность мыслить изолировала его от остальной природы, которая, становясь для него таким образом чуждой, должна была ему казаться сквозь призму его воображения мысли, в виде темной, таинственной силы, бесконечно более враждебной и угрожающей, чем она есть в действительности". Бакунин, "Федерализм, социализм и антитеологизм". Избр. соч. т. 3, стр. 166, Изд. "Голос Труда".

Так город победил деревню, земледельца — скотовода, психик — физика. Пока человек сохраняет девственность, он еще не вполне на земле, но отчасти еще в мире душ, образов — он еще не совсем родился, он еще в околородных водах материнской утробы. Актом оплодотворения человек в его индивидуальной жизни отрезает себя от душевной жизни природы и опускается на землю. Но, собственно говоря, здесь надо подразумевать не столько сам физический акт, сколько первую его анперцепцию в мысли, как наслаждение само по себе. Важен момент осознания телесных переживаний и перенос их оформления в область воображения. Там они вызывают впервые сознание "я" души, ступают это "я" и отрывают его от мира образов. В этот момент впервые человек противопоставляет свое "я" всему окружающему и оно раскрывается перед ним внезапно, как чуждое "ты". До сих пор, несмотря на чисто физический акт, человек был подобен животному, с этого же момента его "я", отягченное сознанием телесного наслаждения, окончательно опускается на землю и делается земным — человек изгоняется из рая. Поэтому, чтобы нераздельно владеть землей, чтобы не дать своему отцу — Урану — небу — опуститься на землю, Сатурн осклоняет его. Поэтому считается, что обратный путь в мир образов, или, как его иные называют, в мир астральный, — есть путь полового воздержания, подчас вплоть до осклонения. "Плодитесь, размножайтесь и населяйте землю" — говорит Явве и дает закон, через который, по словам Павла, определился и сам "грех". Сознание греховности, ассоциировавшееся с представлением "кровосмешения", осталось до сих пор, хотя содержание этого понятия изменилось диаметрально противоположным образом и в настоящее время прямо противоречит самому физиологическому значению слова. Сознание же греховности появилось именно потому, что нарушилась чистота родовой крови — род приносился в жертву наслаждению личности — личность таким образом эмансипировалась от рода и параллельно с тем — от природы.

Однако, процесс образования личности

есть процесс длительный в истории народов и там он выражается так же бурно, как он происходит в юнше в так называемый переходный период.

Отрвавшись внутренне от рода, человек отрывается и от природы — он начинает противопоставлять их себе и принужден сам обосновываться только на себе. И вот в себе он находит разум. Он противопоставляет разум всякому "ты" и подвергает его жестокой критике и анализу. Он начинает восстание против богов, против демонов, против преданий. Он просто объявляет их несущестующими. А вместе с тем начинается творчество, выработка понятий — рождается философия, логика, теология, начинается дифференциация внешних мистерий на театр и церковь. Постепенно дифференцируется обычай в этику и право. Слово отрывается от имени, но еще не соединилось с понятием — отсюда красноречие, взятое само по себе, и софистика.

Человек вырабатывает пластическую массу рассудка, чтобы из нее лепить и кристаллизировать понятия. Постепенно он облекает в понятия и себя и природу. Его психическое "я" обособляется все больше и больше. "Познай самого себя", говорят мистики, говорит Сократ. Этот процесс завершается только в период владычества Рима, когда возникает универсальное понятие личности, как гражданина мира.

Что же такое личность? Это скорлупа из понятий, в которую включена индивидуальность. Сознание ограничивается рамками личности и мышление становится процессом среди понятий. Отныне только то допускается до сознания личности, что прошло через ее "цензуру", что облечено в понятия. С этой точки зрения каждое понятие есть примитивная личность и каждая личность — сплетение понятий. Отныне человек отрицает самое существование того, что не есть понятие или личность.

Индивидуальность надевает маску, личину. Она заворачивается, как гусеница в кокон из созданных ею понятий и становится куколкой.

Наступает эра "мысли" и психизм развертывает свои потенции.

У евреев психизм рождается с Моисеем и завершается Талмудом, в эллинизме он начинается Гомером, Гезиодом и философией и завершается римским правом. Евреи застыли на более низкой стадии и только через философию Филона соединились с эллинами. Но вот приходят варвары и быстро усваивают то, что для них приготовлено — одеваются в римские оболочки и быстро реципируют римское право. В этом отношении они не создали ничего нового и до сих пор мы еще враждебные в рамках терминов греческой философии, римского права и еврейской теологии. Нам не пришлось шить здесь новых одежд — старые оказались не достаточно изношенными...

Нужно сказать, что в переходный период между гилизмом и психизмом среди людей одновременно живут как те, у которых еще не вполне произошло рождение, и души которых еще причастны миру образов, где до них достигают как бы эманации идей и для которых слова еще играют поэтому роль имен, так и те, которых души уже совершенно родились для земли и отрезали себя от мира образов, для которых слова — только понятия. Совершенно естественно, что первые будут реалистами, а вторые — номиналистами, ибо они, полагая, что говорят об одном и том же, на самом деле говорят о совершенно различных вещах. В этом разгадка спора двух средневековых школ. Эпоха возрождения была для галло-германских народов эпохой рождения психизма и потому это эпоха схоластики, римского права и господства эмоций, направленных к личному наслаждению.

Возвращаясь к аналогичному периоду эллинизма, мы видим, как понятия окончательно выкристаллизуются и создается личность.

Живая, подлинная личность есть та личность, внутри которой существует индивидуальность. Это яйцо с зародышем, орех с ядром... Однако, наряду с образованием реальных личностей, образуются личности пустые, пустые орехи — без ядра, яйца без зароды-

ша — образуются юридические лица. Эти юридические лица, пустые, мертвые схемы, получают, тем не менее, кажущуюся жизнь, они вторгаются в общество личностей и действуют там. А так как это призраки, выходящие с того света, то они во многом оказываются сильнее личностей живых. Темные силы, подобно наукам в пустой скорлупе, свивают в них свои гнезда и обращают эти гнезда в могучее орудие своего действия, поработавшая живые личности. Так создаются юридические лица: государство, справедливость и суд, верховная власть, общее благо, Человечество, Закон и т. д.

Подавленные мощью юридических лиц, люди начинают преклоняться перед ними, обоготворять их... Так вырастает новая перархия новых богов. Эти боги действуют на людей, как и старые, прежде всего изнутри они находят на людей и люди делаются одержимы понятиями. Эти боги дают людям, как и старые боги, откровения, делая им подчас многое „понятным“. Так создается новое идеологическое. В жертву этим богам-понятиям начинают приносить живые личности. Во имя государства, закона, человечества, справедливости и т. д., льются потоки крови и слез. Фа-

натика идей-понятий — идеалисты всех мастей, сектанты всех оттенков — пытаются, скупают, терзают всех, кто не с ними. „Пусть погибну я“, говорит идеалист, „но да живет моя идея!“ И он служит личности и ее самоутверждению в лице понятия. Что такое несчастные, презренные Иваны, Петры или Марьи? Но „Человек“ — это звучит гордо! „Да разве можно любить ближнего, этого корявого и глупого Сидора, нет, уж если любить, так только дальнего, понятие, юридическое лицо!“ говорит Иван Карамазов. А между тем форма начинается всюду торжествовать и люди в футлярах, судьи в мантиях, монахи в рясах, солдаты в форме обращаются в жалких рабов и слуг юридических лиц. Поднимается свистопляска. Как будто темные демоны власти, насилия, сластолюбия, жестокости, честолюбия вселяются в пустоты юридических лиц и целый ад демонов развертывает свое царство на земле. Самоутверждающаяся личность говорит теперь „мое“ и изобретает собственность. Наступает полное царство „мысли“, вплоть до религии разума.

(Продолжение следует).

А. А. СОЛОНОВИЧ.

МОСКВА.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

„*Social Mobility*“, by Pitirim Sorokin
Professor of Sociology University of Minnesota, New York, 1927, Harper and Brothers, 559 pp.

Бывший профессор Петроградского университета, Питирим Сорокин, занимающий ныне кафедру социологии в университете штата Миннесота, пользуется очень высокой репутацией в научных кругах Америки. Несмотря на его сравнительно молодой возраст (38 лет) и очень кратковременное пребывание в Соединенных Штатах, П. Сорокин стяжал себе славу в качестве оригинального мыслителя и кропотливого работника в области описательного обществоведения на основе статистически-индуктивного метода.

Его недавно появившийся капитальный

труд „Социальная Подвижность“ (на английском языке) является крупным вкладом в не особенно еще богатую оригинальную литературу по социологии в Северной Америке. Как уже указывает заглавие, книга является описанием социальной динамики, т. е. общественного круговорота населения в самом широком смысле слова. Сплошь да рядом учебники по социологии обходят молчанием эту проблему, в то время, как социальная статистика, так сказать, перекладывается на все лады, но мало освещает запутанные вопросы науки об обществе.

Сочинение П. С. распадается на вступление и шесть обстоятельных частей. О вступлении рассматриваются основные понятия, как-то — социальное пространство, социаль-

ная дистанция и социальная позиция. Этим читатель вводится в теорию о социальных строях, которая служит автору основой всех его выводов и построений.

Первая часть посвящена вопросу о текучести социальных расслоений. Тут текучесть рассматривается в связи с экономическими, политическими и профессионально-трудовыми условиями общежития. Через все теории проходит прямой нитью мысль о текучести в горизонтальном и вертикальном смысле, т. е. о переходе и взаимоотношениях между разными общественными группами с точки зрения различных социальных интересов и задач.

Вторая часть носит название „Социальная Подвижность“ и состоит из трех глав. Последняя глава разбирает вопрос о механизмах социального подбора и распределения индивидуума между различными общественными слоями.

Третья часть—„Население различных Социальных Слоев“ — освещает вопросы демократии с чисто - социологической точки зрения. Среда, наследственность, подбор и приспособляемость — все это П. С. освещает своей теорией расслоения. Физиологические (биологические) условия населения, равно как и интеллектуальные задатки, связываются им с основными категориями социологии, что не только не осложняет вопроса о социальной динамике, но вносит в него известную широко - общественную ясность и простоту.

В четвертой части книги рассматривается вопрос о фундаментальных причинах расслоения и о вертикальной подвижности. Тут, следовательно, речь идет о переходе из низшего в высшее слои общества и обратно. Следующая часть (пятая) посвящена вопросу о

современном подвижном обществе. Тут анализируется вопрос о „горизонтальной подвижности“, т. е. о переходе из одной группы (партии, религии, и т. д.) в другую. Затем следует практическое приложение теории о „вертикальной“ подвижности к „западному“ типу общежития, особенно в отношении основных экономических и политических группировок. В трех главах детально обсуждается структура и циркуляция современных цивилизованных стран в свете созданной автором теории.

Последняя (шестая) часть носит заглавие „Результаты Социальной Подвижности“. Тут читатель найдет оригинальные выводы насчет влияния социальной динамики (в смысле Сорокинской теории) на расовую структуру общества и на поведение людей, т. е. на психологию вообще. Последняя глава книги освещает вопрос о результатах социальной подвижности, как они проявляются в областях общественных процессов и общественной организации.

Каждая глава книги снабжена подстрочными примечаниями и множественными ссылками. Книга, таким образом, может служить не только добросовестным учебником по социологии, на основе новейших данных, но и справочным изданием для лиц, изучающих определенный вопрос обществоведения и ищущих указателя литературы по данной проблеме.

Русские, владеющие уже настолько английским языком, чтобы читать научную книгу, смогут, в случае серьезного желания ознакомиться с современными достижениями науки об обществе, найти теперь прекрасное пособие, составленное их выдающимися и заслужено-известным соратником.

Г. Ф.

Открыта подписка на ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными
организациями Северной Америки.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИ-
ТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУ-
РЫ И КРИТИКИ.

К УЧАСТИЮ В ЖУРНАЛЕ ПРИГЛАШЕНЫ
ИЗ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ ЛУЧШИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛЫ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”
9219 Russell Street, Detroit, Michigan